

Только для тебя

Автор:

Ханна Хауэлл

Только для тебя

Ханна Хауэлл

Очарование (АСТ)

Золотоволосая Саксан Хани Тодд, переодетая юношей, пускается в долгий и трудный путь через всю Англию, чтобы отомстить человеку, которого называют убийцей ее брата, – Ботолфу, графу Регенфорду. Однако не смертельного врага находит юная Саксан в суровом рыцаре, а страстного возлюбленного и верного супруга, человека, ради которого она, не колеблясь, пройдет сквозь смертельные опасности и бесконечные лишения...

Ханна Хауэлл

Только для тебя

Hannah Howell

ONLY FOR YOU

© Hannah Howell, 2007

© Перевод. Н.И. Кролик, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

* * *

Северная Англия, 1319 год

Саксан Хани Тодд разбудил собственный крик. Она резко села на постели; ее била дрожь. Холодный воздух спальни быстро высушил ночную сорочку, пропитавшуюся потом. Страх сдавил горло: перед глазами все еще стояла картина, заставившая ее проснуться. Саксан снова легла, свернувшись калачиком под одеялом, и постаралась успокоиться.

Однако чувство, что она явственно видела будущую гибель своего брата-близнеца Питни, не проходило. Образ его убийцы был настолько ярок, словно он стоял у изголовья ее кровати: кровь мальчика медленно капала с его рук, и на губах блуждала ликующая улыбка. Казалось, она никогда не забудет это смуглое красивое лицо, которое почти не портил маленький шрам под левой бровью, и черные глаза, холодные, как могила.

– Это всего лишь сон, – прошептала она, зарываясь в подушки и силясь прогнать образ страшного человека.

В конце концов Саксан смирилась с тем, что после ночного кошмара уже не сможет заснуть. Вздохнув, она легла на спину и уставилась в потолок. Страх почти прошел, но в сердце прочно поселилась тревога.

– Я молю Бога, чтобы ты был жив и здоров, Питни, – произнесла Саксан вслух, заламывая руки. – Но если этот сон – предчувствие, а не просто видение, рожденное беспокойством о тебе, твой дух обретет покой. Клянусь всеми Тоддами, ушедшими из жизни, что, если тебя убили, твой убийца не проживет и года. Я сама вырву черное сердце негодяя из его груди.

На холодном весеннем ветру шелестели знамена. Ботолф Корвайн Лавингтон выругался про себя, откидывая непослушную прядь иссиня-черных волос. Его хмурый взгляд не отрывался от толпы собравшихся. Около каждого шатра были выставлены рыцарские щиты и штандарты, но ни один из них не был тем, который он искал. Это его не удивляло: его враг действовал все более

осторожно. Граф Кейндал и его гости начали искать места на трибунах, откуда они могли бы следить за рыцарским турниром. Дамы смеялись, флиртовали и награждали своих избранников подарками, которые те должны были иметь при себе в рукопашной схватке. Ботолф знал, что скоро и ему придется принять участие в турнире.

Он стоял перед шатром и, прищурившись, наблюдал за происходящим. По приказу Ботолфа его вассалы и близкие друзья сэр Роджер Вейн и сэр Весли Десрогес также пристально следили за фланирующей оживленной толпой. Где-то среди ярко разодетых зрителей был человек, замысливший убийство. Ботолф знал, что убийце на руку веселая суматоха праздника.

– Будь осторожен, Ботолф.

Обернувшись, он улыбнулся своей матери, миниатюрной леди Мери:

– Буду. Я всегда осторожен. Пойди, найди себе место, мама. Не бойся за меня.

Леди Мери вздохнула:

– Неужели мужчины никогда не изменятся? На твою жизнь трижды покушались, а ты советуешь мне не волноваться.

– И трижды попытки оканчивались неудачей.

– Да, но в последний раз твоя жизнь висела на волоске. Эта опасность, исходящая от неизвестного...

– Мы оба знаем, кто хочет видеть меня мертвым. – Ботолф осекся, заметив, как побледнела мать.

– Я не могу в это поверить, – проговорила она слабым голосом. – Сэсил – твой брат.

– Сводный брат.

– У вас одна кровь, кровь вашего отца.

– У нас также один день, месяц, год, час и даже момент рождения. Но это не имеет значения. Нам обоим известно, что Сэсил преследует меня. – Он погладил мать по щеке, еще не тронутый морщинами. – Иди. Смотри представление. Со мной ничего не случится. Давай не будем больше об этом говорить. Это причиняет тебе боль.

– Она не хочет признавать правды, – тихо сказал сэр Роджер, когда леди Мери ушла. Взгляд его голубых глаз был полон симпатии к этой женщине.

– И неудивительно. Это слишком горькая правда. Она держала Сэсила у своей груди, относилась к нему как к собственному сыну. Для нее он вроде Каина, убивающего Авеля.

– Да. Его жизнь устроена куда лучше, чем у многих других, но ему и этого мало.

– Так часто бывает. Послушай, кто этот мальчик?

Ботолф улыбнулся юноше, которого другой вассал, сэр Талбот Ив, подвел к ним.

– Питни Тодд, милорд, – ответил Талбот. – Ваш оруженосец Фаролд повредил лодыжку, и некоторое время не сможет выполнять свои обязанности. Питни заменит его.

– Сколько тебе лет, Питни? – спросил Ботолф, не в силах отвести глаз от волос мальчика: платиново-светлых, почти белых.

– Восемнадцать, милорд.

– Ты с севера?

– Да, милорд. Сэр Чад Брейнард, смотритель вашего замка в Регенфорде, прислал меня сюда на прошлой неделе. У него достаточно пажей, и он решил, что я буду здесь нужнее, если сумею быть вам полезен, милорд. Я прошел хорошую подготовку.

Это было сказано с таким пылом, что Ботолф не мог не поддержать его.

– Иначе и быть не может, если сэра Чад готовил тебя. Сколько же у него мальчиков?

– По последним подсчетам, семнадцать, милорд.

– Мой бог! Он что, хочет вырастить целую армию?

– Но это не только его дети, милорд. У вас служат двое его сыновей. Сэр Чад готовит четырех Киппсов из Рикадина, трех Бинксов из Апвода, трех Джагерсов – моих кузенов из Волфхилла, двух Кирклизов, двух Рованзов, двух Вергезов и одного Торанца. Сэра Брейнарда очень ценят как воспитателя, милорд.

– Похоже, что так. – Ботолф подмигнул Роджеру, а Питни добавил:

– На границе всегда нужны подготовленные люди, чтобы шотландцы не могли застать нас врасплох.

Мужчины рассмеялись, и Ботолф послал мальчика подготовить оружие к турниру. Он уже и не помнил, когда с таким нетерпением ждал начала турнира, и был полон радости жизни, как молодой оруженосец. Хотя ему было только двадцать семь лет, Ботолф временами чувствовал себя вдвое старше. В глубине души он страстно желал мира, но, как только празднества в Кейндале закончатся, ему придется вернуться в Регенфорд. Пора было приступить к своим обязанностям лорда-управляющего пограничным районом между Англией и Шотландией. Там мира ему не найти. Хотя Ботолф знал, что слишком долгое перемирие может плохо сказаться на его физическом состоянии, он жаждал вкусить преимуществ этого перемирия.

– Черт возьми, откуда у мальчишки такие волосы? – воскликнул сэр Роджер, как только Питни отошел.

– Так ведь род Тоддов саксонского происхождения, – ответил сэр Талбот. – Их предок был одним из немногих, кто сумел отстоять свою землю после завоевания. Правда, он был небогат, да и земля невелика. Он остался независимым, в то время как все вокруг него сделались вассалами Вильгельма Завоевателя. Если бы барон Алхрик был похож на своего предка, мастерство в сражениях и незаурядное вероломство позволили бы ему остаться в живых.

– А что с ним случилось?

– Умер, милорд. Он погиб в последней битве вашего отца за земли в Регенфорде. Как гласит молва, барона нашли под десятком мертвых шотландцев, и он все еще сжимал свой меч.

– Этот парнишка выглядит слишком хрупким для такого воинственного клана.

– Лорд Алхрик был светловолосым и худым, но я бы хорошенько подумал, прежде чем решиться скрестить с ним свой меч. Брейнард говорит, что мальчик похож на лорда.

Их беседу прервало появление пажа. Ботолф нахмурился, когда тот протянул ему искусно вышитую ткань. Это была накидка леди Оделлы Алансон, подаренная ему в качестве знака расположения. Ботолф с неохотой взял ее, передав женщине приличествующие слова благодарности. Иначе он поступить не мог – это было бы расценено как оскорбление.

– Прекрасная роза, – пробормотал сэр Роджер.

– Да. Красивая, воспитанная и одна из фавориток моей матери.

Ровный и холодный тон Ботолфа означал, что его вассалам следует воздержаться от дальнейших замечаний относительно прекрасной Оделлы. Леди Мери и даже король хотели, чтобы Ботолф снова женился, но мать не осмеливалась слишком давить на него, да и король пока не проявлял своей власти. Это вполне устраивало Ботолфа, он не спешил снова связывать себя брачными узами, так что в обозримом будущем появления наследника графства Регенфорд ожидать не приходилось.

Ботолфу не потребовалось много времени, дабы убедиться, что Питни – блестящий оруженосец. Молодой человек, казалось, предвосхищал каждое его движение и приказание. Ботолф поймал себя на мысли, что хотел бы видеть Питни своим постоянным оруженосцем вместо Фаролда, с которым то и дело что-нибудь случалось. Но потом почувствовал укол совести. Фаролд был младшим сыном его кузена и выполнял обязанности оруженосца в меру своих способностей. Не его вина, что эти способности оставляли желать лучшего. Вздыхнув с сожалением, Ботолф надел последние доспехи и направился к арене,

надеясь, что по возвращении Фаролда сможет встретить его с подобающей благосклонностью.

Ботолф ушел с ристалища быстрой и уверенной походкой под восторженные крики одобрения его мастерства. Он уже собирался приветствовать доброй улыбкой молодого Питни, но того не было видно. Зато Ботолфа ждала горячая ванна. Усталый и грязный, он с удовольствием погрузился в ласковую воду и только тогда вспомнил, что среди его вещей не было такой роскоши, как корыто. Обернувшись в поисках Питни, он обнаружил, что того все еще нет поблизости, и заметил про себя, как хорошо этот юноша владеет искусством вовремя исчезнуть. Тихонько рассмеявшись, Ботолф принялся скрести себя, смывая пыль и пот после рыцарского турнира.

Дальнейшее еще больше развеселило его. Ботолф услышал, как негодует один из его недавних противников, сэр Вальтер Трэпп: «Какой негодяй украл мое корыто? Послушай, парень, куда ты несешь эту воду?»

– Воду, сэр? – переспросил Питни с фальшивой невинностью в голосе.

– Да, эту воду.

– Моему лорду Ботолфу, чтобы он мог смыть пыль, поднявшуюся, когда он сбросил вас с коня.

– Наглец! – прогремел сэр Вальтер. – Ну-ка пойдем посмотрим, что он там делает.

– Сэр, – воскликнул Питни в праведном гневе, – вы обвиняете благородного барона Мирвуда, графа Регенфорда и храброго защитника наших северных границ лорда Ботолфа Лавингтона в том, что он обыкновенный вор?!

– Конечно, нет, – смешался сэр Вальтер.

Ботолф услышал взрыв хохота. Он получил не меньше удовольствия от этой перепалки, чем те, кто наблюдал за ней. Не смывая мыло с волос, он стал прислушиваться к словесной дуэли, происходившей перед его шатром. Ботолф не сомневался, что несколько туповатый Вальтер станет в этом споре жертвой

остроумного Питни.

Он усмехнулся, услышав, как Вальтер отчаянно старается оправдаться. О мытье он позабыл. Мыльная пена медленно стекала по лицу. Ботолф рассеянно смахивал ее, чертыхаясь, когда она попадала в глаза. В конце концов он потянулся за полотенцем, принесенным заботливым Питни.

Внезапно чья-то рука мертвой хваткой обвилась вокруг его шеи. Ботолф крепко выругался. Голый, в пене, застилавшей ему глаза, он понимал, что является легкой добычей для убийцы, который сумел пробраться мимо стражи в шатер. Его крик о помощи был заглушен рукой в перчатке, крепко зажавшей рот.

Ботолф напряг мускулы, яростно стараясь сбросить непрошеного гостя. С губ убийцы сорвалось проклятие, когда нож, вместо того чтобы пронзить сердце Ботолфа, вонзился ему в плечо.

Протерев глаза, Ботолф заметил, что убийца снова поднял кинжал, намереваясь успеть ударить еще раз, прежде чем Ботолф сумеет вывернуться. Граф видел, что не сможет остановить выпад, и ощутил холодное дыхание смерти.

– Убийца! – внезапно услышал Ботолф крик нового оруженосца и почувствовал, как железная хватка на его шее тут же ослабла. Пытаясь подняться на ноги, несмотря на слабость, Ботолф увидел, как Питни бросился на ошеломленного злодея. Юноша, не колеблясь, вступил в схватку, хотя противник был вдвое выше него. Сэр Вальтер, сэр Роджер и сэр Весли ворвались в шатер и уставились на странную пару сцепившихся на полу людей: худенького юношу и взрослого верзилу.

Сэр Роджер помог Ботолфу вылезти из корыта. Два других рыцаря встали возле дерущихся, приготовившись вмешаться в борьбу, как только представится возможность. Они опасались лишь причинить вред юному оруженосцу. Ботолф поспешил одеться и схватить свой меч, чтобы присоединиться к остальным.

Спустя мгновение все же возможность помочь юноше появилась, но какой ценой! Зная, что он попался и ему не миновать смерти, убийца явно хотел уйти из жизни не в одиночку. Прежде чем Ботолф или кто-то другой смогли помешать этому, он вонзил свой нож в грудь Питни. Лишь когда он снова занес кинжал, сэр Вальтер взмахом меча наотмашь снес голову с плеч незваному гостю.

– Не нужно было этого делать, – вздохнул Ботолф. В его голосе слышались недовольство и разочарование.

– Этот человек пытался вас убить, – возразил Вальтер. – Он убил мальчика.

– Не может быть! – вскричал Ботолф. Тут он заметил, что у входа собралась толпа зевак. – Опустите полог шатра, – приказал он Роджеру.

Люди начали расходиться. Было слышно, как они объясняют друг другу, что кто-то пытался убить лорда Лавингтона, а его храбрый оруженосец Питни отдал свою жизнь, чтобы спасти хозяина. Ботолф выругался, но опровергать эти сплетни было некогда. Он только помолился о том, чтобы родственникам юноши не было причинено горе ложным сообщением о его смерти, и обратил все свое внимание на Питни. Объявить, что его оруженосец жив, можно и позднее, как только представится возможность.

Быстро подойдя к юноше, Ботолф опустился на колени возле его стройного молодого тела. Когда он нащупал пульс, мальчик открыл глаза. В их бархатистой глубине затаилась боль. Ботолф поймал себя на том, что восхищается их красотой.

– Я еще не умер, милорд, – хрипло прошептал юноша.

– И не умрешь, – выдохнул Ботолф, с помощью Роджера отчаянно пытаясь остановить обильное кровотечение из раны.

Питни слабо улыбнулся:

– Это успокаивает. Я не хочу вас обидеть, милорд, но если окажется, что вы ошиблись, верните мое тело в Вулфшед-Холл. Я должен быть похоронен рядом со своими предками. – Его улыбка превратилась в гримасу боли. – Немного травы и тугое пеленание – и я не буду слишком вонять.

– Замолчи.

– Как пожелаете, милорд, – прошептал Питни и впал в беспамятство.

– Что здесь случилось? – раздался голос у входа в палатку.

В шатер вошел взволнованный лорд Силингс, тучный граф Кейндал, но Ботолф едва взглянул на него. Он приказал Вальтеру и Весли рассказать о случившемся.

К ужасу Ботолфа, появилась и леди Мери. Она вздохнула с явным облегчением, убедившись, что он жив. Увидев обезглавленного убийцу, леди Мери побледнела, но не ушла. Быстрыми шагами подойдя к сыну, она сначала помогла ему забинтовать раны Питни, а затем занялась и его собственными. Ботолф был благодарен ей за спокойную и умелую помощь.

– Собирается дождь, – заметил лорд Силингс. – Влажность не будет способствовать заживлению ран мальчика. Я приготовлю ему комнату возле вашей, Ботолф. Юный Питни заслуживает наилучшего ухода за свою бескорыстную храбрость.

– Спасибо, Эдвард. – Ботолф поднялся, кончая одеваться. – Теперь он сэр Питни.

– Справедливо.

– А я прощаю вам мое корыто, – проворчал сэр Вальтер. – Маленький негодник убедил меня в том, что я задел вашу честь, Ботолф.

Роджер хмыкнул:

– Парнишка тебя совсем запутал, Вальтер.

– У него просто хорошо подвешен язык, вот и все. Как и у всей его проклятой семьи.

– Ты знаешь Тоддов? – спросил Ботолф, пока Роджер помогал ему в нудном завязывании всех шнурков.

– Ага, а также Джагеров и Хелдонов. Они все одинаковы. Кажутся ангелами, но им лучше не попадаться на язычок. Есть байка о том, как однажды барон Алхрик сидел у ворот крепости врага и убеждал его, что единственным разумным решением для него будет сдать хорошо укрепленную крепость и сотню

вооруженных солдат ему и его шести рыцарям.

Вальтер покачал головой:

– Я не сомневаюсь в том, что это чистая правда.

– Как бы я хотела, чтобы мужчины воевали с помощью слов, а не мечей, – с горечью заметила леди Мери.

– Ну, мало найдется воинов, более искусных в сражениях, чем Тодды и их родственники. Даже женщины у них отлично дерутся. Жена Алхрика два месяца удерживала Вулфшед-Холл, который осадили шотландцы, пока муж со своими людьми смог вернуться и помочь ей. Но они несколько странные.

– Странные? Чем? – Ботолфа вдруг заинтересовали Тодды.

– Они везут тела своих родных издалека, чтобы похоронить в семейном склепе в Вулфшед-Холле. Их дед погиб в Крестовых походах, но был привезен домой в бочке из-под вина. Они все знают латынь и французский, но часто говорят по-английски, как их крепостные. Алхрик всегда повторял, что это язык наших предков, поэтому он будет говорить на своем родном языке. И добавлял, что когда-нибудь мы все будем на нем говорить.

– Все будем говорить по-английски? – рассмеялся Роджер. – Он что, думал, что мы все станем крестьянами?

– Нет. Он сказал, что мы все станем англичанами. Я не понимал этого человека, – проворчал Вальтер. – Вам больше не нужно корыто? – резко обратился он к Ботолфу.

Понимая, что сэру Вальтеру больше нечего сказать, Ботолф кивнул, невольно улыбнувшись, когда какой-то здоровый детина схватил корыто и унес. Роджер поднял Питни на руки и понес его к дому Кейндала. Ботолф на ходу приказал Весли задержаться и присмотреть за тем, как уберут его шатер и оружие. Жена лорда Эдварда поместила леди Мери в трехкомнатные апартаменты вместе с Ботолфом и раненым юношей. Ей было неловко, что она не может предоставить им большей площади, но леди Мери заверила ее, что они и не думали о роскоши.

Ботолф не мог оставаться с дамами: несмотря на свою рану и все случившееся, он должен был присутствовать на банкете.

Обилие еды и веселая компания не смогли отвлечь Ботолфа от мыслей о Питни. Он видел смерть во всех ее формах, видел, как она косила юных и невинных так же жестоко, как и старых грешников. Видел, как она наступала долго и мучительно или приходила неожиданно и быстро. И он мирился с этим, но теперь страстно, безумно желал, чтобы Питни выздоровел.

– Как себя чувствует маленький рыцарь? – спросила леди Оделла, прерывая тоскливую задумчивость, в которую впал Ботолф.

Тот выдавил из себя улыбку. Он знал, что леди Оделла не любит его, и подозревал, что ее внимание объясняется следующим: она считает его подходящим кандидатом в мужья. Он богат, знатен и влиятелен. Ботолф также понимал, что ее бы вполне устроило, если бы ему пришлось много времени проводить в Регенфорде, на варварском Севере, в то время как она сможет жить в более безопасном и цивилизованном Мирвуде.

Он знал, что многие мужчины были бы рады иметь жену, которую видели бы не слишком часто. Оделле было девятнадцать лет, и о ней ходили не очень лестные слухи. Дважды ее хотели выдать замуж, и каждый раз жених умирал накануне свадьбы. Ботолф не сомневался, что, попроси он руки девушки, его предложение с радостью будет принято, но пока колебался.

– Думаю, что он будет жить, – наконец ответил он.

– Со стороны мальчика было очень смело наброситься на убийцу, будучи невооруженным и намного меньше ростом. Но ведь Тодды славятся своей доблестью.

«Кажется, кроме меня, весь мир знает о Тоддах», – подумал Ботолф и спросил:

– Вы встречались с кем-нибудь из них?

– Только раз. На турнире. Лорд Алхрик выглядел как трубадур, как поэт. Он был светловолос и строен. И такими же были два его старших сына, Хантер и Рок. Но

больше я запомнила не это, а то, как они вели себя на турнире. Их мастерство и дерзость, их почти дикая ярость и воинственность оказались неожиданными для большинства зрителей. Они завоевали почти все награды в этот день; а на вечернем банкете опять выглядели ангелами со светло-золотистыми волосами и подернутыми дымкой глазами, и пленили всех присутствующих приятным обхождением и обаянием. Это трудно объяснить.

– Вы очень хорошо объяснили, миледи. Будто в одном теле живут два человека: бесстрашный рыцарь в доспехах и робкий поэт. Что еще вы знаете о Тоддах?

– Не слишком много. У них большая семья, много детей, достигших юношеского возраста. Они кичатся своим саксонским происхождением. – Она рассмеялась своим звонким смехом, которым очень гордилась. – Так носиться со своим родом, берущим начало от побежденных саксов, довольно-таки странно.

К тому времени как Ботолф вернулся к себе, он уже убедился, что Тодды – клан, сочетающий в себе обаяние и безумство. В отличие от людей, ведущих свою родословную – если они вообще могли ее проследить – от Вильгельма Завоевателя, его близких родственников или знатных семейств во Франции, Тодды объявляли себя чистой воды саксами и признавали своим предком Осви, короля Нортумбрии и Берниции в 641 году. Выбирая женихов или невест для своих детей, они считали принадлежность к роду потерпевших поражение саксов столь же важной деталью, как и приданое. На их знаменах были изображены фигуры вставшего на дыбы черного жеребца и припавшего к земле волка, сжавшегося под занесенными копытами. Конь был национальным символом саксов.

Входя в свою комнату и все еще думая о Тоддах, Ботолф покачал головой, удивляясь, как этот род сумел уцелеть на протяжении долгого времени.

– Как мальчик? – спросил он, подойдя к матери, которая оставалась у постели Питни.

– Лихорадки нет. – Она с улыбкой приняла кубок с вином, который ей протянул сын.

– Как случилось, что я никогда не встречал этих Тоддов? Сегодня весь вечер у меня звенело в ушах от рассказов об этой семье.

– В тех редких случаях, когда они приезжали сюда или когда о них заходила речь, тебя здесь и не было. До сих пор ты жил в Мирвуде. Тодды же не часто покидают Вулфшед-Холл. Они крепко привязаны к своей земле.

Ботолф потягивал вино, не спуская глаз с Питни, который проявил себя настоящим мужчиной, но во сне выглядел хорошеньким ребенком.

– Они кажутся людям странными.

– О да, они очень странные. Этого не оспаривает никто, даже они сами. Но это, скорее, только добавляет им очарования. Они еще и отличные воины. Их клан удерживает Вулфшед-Холл почти семьсот лет. Это следствие их искусства в бою и хитрости. Твой отец, – при этих словах ее лицо на мгновение омрачила тень недавнего горя, – однажды сказал мне, что в течение трех столетий, прошедших после завоевания, всегда хотя бы один человек из этого клана находился на стороне оппозиции. Тодды тянули жребий, чтобы решить, кто из них будет сражаться против их традиционного сеньора, графа Регенфорда. Были Тодд со Стефаном и Тодд с Матильдой, Тодд с королем Джоном и Тодд с баронами, Тодд с ранними саксонскими мятежниками и Тодд с Вильгельмом Завоевателем.

– Очень мудро. Кто бы ни побеждал, Тодды всегда удерживали свой Вулфшед-Холл.

– Они бесчисленное число раз доказывали, что могут противостоять шотландцам.

– Значит, я могу на них положиться, когда прибуду в Регенфорд?

– Да. Твой отец всегда поступал так. – Она положила руку на лоб Питни, чтобы проверить, не появился ли жар.

– Мама, – пробормотал Питни, устремив затуманенный взор на леди Мери.

– Нет, дитя мое, – ответила она ласково. – Я леди Мери.

– Но вы ангел, хотя и сидите не в Божьем царстве, а у моей постели, – проговорил он, слабо улыбнувшись.

– Ну что ты, мой милый, – рассмеялась леди Мери, слегка покраснев от такого комплимента.

– Мы ухаживаем за подающим надежды плутишкой, – пошутил Ботолф, покачивая головой.

– Подающим надежды? – пробормотал Питни. – Я вижу, что должен больше практиковаться.

– Думаю, что серьезная практика тебе не нужна, – сказал Ботолф.

Леди Мери помогла раненому сесть.

– Выпей это, мой мальчик. Это облегчит боль и поможет тебе заснуть.

– Если бы это был яд, я бы все равно охотно выпил его из таких красивых рук.

– Лыстец, – снова рассмеялся Ботолф. – Уложи мальчика спать, или я сделаю это сам. – Он в шутку потряс кулаком.

Питни еще некоторое время бормотал комплименты и слова благодарности, пока леди Мери осматривала его рану, прикладывая свежую мазь из трав. Затем она осторожно обмыла ему лицо, и он закрыл глаза.

Когда Питни опять уснул, леди Мери взглянула на сына:

– На тебе сегодня была накидка леди Оделлы.

– Да. Она прислала ее мне в шатер. Я не мог отослать ее обратно – это было бы страшным оскорблением.

– О... – вздохнула мать.

– Знаю, знаю. Я должен жениться. Если я буду с этим тянуть, король Эдуард примет меры.

– В таком случае, почему ты сам не выберешь себе невесту? Зачем ждать, пока это сделает король?

– Мне вообще не нужна невеста. – Он чертыхнулся про себя, увидев удрученное лицо матери. – Обещаю тебе уладить это дело до конца года. Долг требует, чтобы я обзавелся наследником. Я понимаю. Просто хочу оттянуть на некоторое время. Ложись спать, мама. Клянусь, я исполню свою обязанность, и наследник появится не позже, чем через год.

Всю ночь Ботолф просидел у постели Питни. Когда же рассвело и гости начали собираться в большом зале, где их ожидала утренняя трапеза, мать пришла сменить его, чтобы он мог присоединиться к остальным. Ботолф уже хотел выйти из комнаты, когда какой-то человек, назвавшийся сэром Эдриком Хелдоном, потребовал срочно впустить его в дом. Леди Мери вышла в холл навстречу визитеру, а Ботолф остановился в дверях их апартаментов. Он невольно улыбнулся, заметив удивление матери при виде неожиданного гостя. Родство немолодого рыцаря с Питни легко угадывалось по его стройной, изящной фигуре, светлым волосам и голубым глазам. Сэр Хелдон выглядел смущенным и сильно взволнованным, и Ботолфу пришлось отругать себя за забывчивость. Он намеревался обнародовать подлинную историю о нападении на него, чтобы никакие слухи и сплетни, которые все еще распространялись, не дошли до родных Питни, но не сделал этого. Вновь прибывший поспешил к постели Питни.

– Слава богу, он еще жив! – воскликнул сэр Хелдон.

– Да, сэр, – ответила леди Мери. – У него нет жара, так что, я думаю, он должен скоро поправиться.

Хелдон взял маленькую руку леди Мери в свою и поднес ее к губам.

– Мальчик должен чувствовать себя на небесах, если, просыпаясь, находит у своей постели ангела.

– Я уже назвал ее ангелом, дядя, – раздался сонный голос Питни.

Леди Мери засмеялась, а сэр Хелдон бросил на племянника нарочито строгий взгляд.

– Спи. – Он улыбнулся стоящей рядом женщине. – Эта леди так прекрасна, что я постараюсь переплунуть в лести даже тебя.

– Попробуй, хотя я думаю, что это искусство больше свойственно нам, молодым.

– Я так счастлив, что ты не умер, как мне сказали сначала.

– Значит, ты приехал, чтобы забрать мое тело в Вулфшед?

– Мы отвезем тебя на некоторое время в Регенфорд, – вмешался Ботолф, подойдя к постели и пожимая руку сэру Хелдону. – Вы едете домой, сэр Хелдон? Если да, мы будем рады, если вы составите нам компанию.

– Благодарю вас, милорд. Я... – Сэр Эдрик внезапно ударил себя по лбу. – Проклятье!

– В чем дело, дядя? – спросил Питни хриплым голосом, пока леди Мери помогала ему сесть.

– Кенелм и Олан поскакали в Вулфшед сообщить о твоей смерти!

– Надо послать кого-нибудь вслед за ними. Опустившись на краешек кровати, Эдрик закрыл лицо руками.

– Их не догнать. Они уехали сразу после случившегося. Если мои глупые сыновья что-то и умеют делать как следует, так это скакать верхом.

– Давай подумаем. Кто сейчас дома? Хантер, Рок, Удолф и Каин находятся в Бервике-на-Твиде. Дина и Тьюсдей – со своими мужьями. Остается маленькая Тильда и... – Питни застонал, – Саксан.

– Да, Саксан.

– Но они не расскажут Саксан о моей смерти, ведь так? Даже если они считают, что я умер, то не станут причинять ей горя...

– Кто знает? Эта неизвестность меня пугает больше всего. Ребята вовсе не хотели бы принести печальные вести.

– Тогда давай надеяться, что они по крайней мере скажут, что злодей уже мертв.

– Может быть, если я поеду прямо сейчас...

– Ты приедешь слишком поздно, чтобы не дать им сказать лишнее.

– И предотвратить последствия, если они будут.

– Очень печально, что ваша семья будет страдать, думая, что Питни погиб, – сочувственно вставил Ботолф, не совсем понимая, о каких последствиях идет речь. – Однако когда мы приедем в Регенфорд, то немедленно сообщим им, что произошла ошибка.

– Если будет кому сообщать, – пробормотал Питни и взглянул на нахмурившегося Ботолфа. – Милорд, наша семья богобоязненна, но мы всегда предпочитали сами мстить своим врагам, не дожидаясь, пока их покарает Господь. Если кого-нибудь из нас убьют, все Тодды примчатся из любого уголка земли, чтобы рассчитаться с убийцей. Если станет известно, что меня убили и что мой убийца жив... – Питни неловко повернулся и поморщился от боли в ране.

– Они станут за ним охотиться, – закончила леди Мери дрогнувшим голосом.

– Да, но сначала они должны собраться вместе, – заметил Ботолф. – Еще есть время помешать им.

– Боюсь, что в Вулфшеде найдется один человек, который отправится сразу, – вздохнул Питни. – Это Саксан.

– Мы предупредим всех, что, если твой брат появится здесь, ему расскажут, как было дело, – заверил его Ботолф.

– Саксан – моя сестра, милорд. Мы близнецы. Она на десять минут старше меня.

– Не может быть, чтобы молодая девушка встала на путь мщения! – воскликнула леди Мери, на лице которой ясно читались потрясение и неверие, что такое возможно.

– От этой взбалмошной девчонки можно всего ожидать, – возразил Эдрик, покачав головой. – Мне следовало дать письмо моим парням. А то они все перепутают.

– Нет смысла волноваться, – рассудительно заметил Питни. – Мы ничего не можем сделать, чтобы помешать им принести известие, верное или нет. Все, что мы можем, – это надеяться, что Кенелм и Олан расскажут то, что знают, и будут присматривать за Саксан. Если это не поможет, нам остается ждать, что мы встретимся с сестрой в пути, когда отправимся в Регенфорд.

– Слишком много неопределенностей.

– И мальчику не следует так много разговаривать, – строго сказала леди Мери. – Помогите ему съесть немного повыше, сэр Эдрик. Он должен съесть немного овсянки.

Ботолф чуть не рассмеялся, увидев, как изменилось лицо больного при слове «овсянка». Жизнерадостный и бойкий на язык, Питни сник при упоминании этого безвкусного блюда. Но, конечно, должно было пройти время, прежде чем ему можно будет есть что-нибудь более существенное.

Вскоре Ботолфа и галантного сэра Эдрика выпроводили из комнаты. Бок о бок они спустились в зал. Проходя через широкие двери, Ботолф заметил леди Оделлу. И прежде чем он сумел незаметно проскочить мимо, она увидела его и помахала рукой, приглашая присоединиться к ней за столом.

– В ее прекрасных глазах явно заметно желание выйти за вас замуж, – шепнул Ботолфу Хелдон.

– Я знаю. Моя мать желает того же.

– Ага, вас приперли к стенке, да? Припоминаю, как и меня хотели женить. Моя дорогая Нелда умерла, родив Олана. Меня упорно пытались женить еще раз, но

я выстоял. Никто не может заменить мне мою Нелду. Правда, – добавил он, – у меня уже было два сына.

– А у меня ни одного, – вздохнул Ботолф. – Долг обязывает.

– Боюсь, что так. Для человека с вашим положением это гораздо важнее, чем для меня.

Вежливо поздоровавшись с леди Оделлой, Ботолф вдруг подумал о своей покойной жене Элис.

Он не знал, хватит ли у него сил снова пройти через любовь, женитьбу, предательство и смерть. Эта цена казалась ему слишком высокой за то, чтобы исполнить свой долг перед родными и графским титулом.

Питни набирался сил с завидной быстротой. Меньше чем за неделю Ботолф смог подготовиться к путешествию в Регенфорд. Наконец нашелся экипаж, где молодой человек и леди Мери могли удобно расположиться. Ботолф был немного удивлен тем, что его мать также пожелала ехать в Регенфорд. Видимо, благородная женщина намеревается продолжать заботиться о раненом. Было видно, что она сильно привязалась к очаровавшему ее мальчику.

У Ботолфа, правда, мелькнуло подозрение, уж не старается ли леди Мери быть поближе к сэру Эдрику Хелдону. Питни, конечно, будет с ней лучше, но он может обойтись и без нее. Трудно было игнорировать тот факт, что в присутствии внимательного рыцаря, постоянно льстившего ей, мать вновь ощущала себя молодой, и, возможно, ей не хотелось утратить это чувство.

Но Ботолф быстро прогнал от себя эту мысль. Сэр Эдрик лишь флиртовал с леди Мери. Все женщины любят лесть, и его мать не исключение. Но она ведь не ветреная девчонка, которой легко вскружить голову. Так что не о чем беспокоиться. У него есть дела и поважнее.

Во-первых, сыновья Эдрика к этому времени уже, наверное, принесли в Вулфшед ложную весть о смерти Питни. Хотя сэр Эдрик и Питни почти не говорили об этом, Ботолф замечал, как оба они неотступно думают о том, что может

произойти, когда эта новость дойдет до Тоддов. Было немного странно, как такой зрелый человек, как сэр Эдрик, может быть настолько недалек, чтобы поверить, будто молодая девушка решится мстить. Он ничем не мог разубедить Эдрика, но постарался снять тяжесть с души Питни. Когда все было готово для путешествия, Ботолф подошел к карете, где сидел юноша.

Перебросившись несколькими общими фразами, Ботолф произнес своеобразную речь, доказывавшую невозможность того, чтобы юная девушка отправилась в дальний путь, замыслив убийство, и упомянул о мягкости женского сердца. Он, однако, не особенно удивился тому, что его прочувствованный монолог не убедил Питни.

– Не хочу показаться нахальным, милорд, – спокойно возразил мальчик. – Большая часть того, о чем вы говорили, – правда. Женский характер, который вы описываете, действительно встречается чаще всего. Но моя Саксан не такая. Да и все Тодды тоже. Саксан найдет убийцу, если будет думать, что он еще жив. Но я молюсь о том, что она по крайней мере знает, кто же он такой.

* * *

Кенелм и Олан беспомощно смотрели на свою кузину. Саксан видела, как им неловко, но не в состоянии была ни двигаться, ни говорить. Она словно окаменела и просто стояла на ступеньках лестницы, тупо уставившись на них. Всего лишь минуту назад она сбегала братьям навстречу, радостно приветствуя их.

– Питни умер... – наконец вымолвила она таким голосом, что братья вздрогнули.

– Да, Саксан, – кивнул Кенелм. – Заколот.

– Убит?

– Да, его убили.

– Кто?

– Ну, граф... – начал было Олан.

– Граф Регенфорд?

– Да, да. Он...

– Ясно.

Саксан повернулась и машинально поднялась по лестнице, не обращая внимания на кузенов, кричавших что-то вслед. Внутри у нее все похолодело, словно кровь вдруг стала ледяной. Питни, ее близнец, ее единоутробный брат, мертв. Саксан была так убита горем, что даже не могла плакать. Боль пронзала тело с каждым ударом сильно бьющегося сердца, но слез не было.

Она зашла в спальню, и через минуту туда вбежала Тильда. Саксан это не удивило, и она продолжала тщательно одеваться в мужское платье, костюм Питни. Она знала, что Тильда хочет помешать ей. Но этого она не допустит. Всеподавляющее желание немедленно отомстить за убитого брата было единственным осмысленным чувством и придавало ей силы.

– Если ты убьешь этого человека, они не пощадят тебя, – предупредила Тильда.

– Он убил Питни. – Саксан машинально заплетала в косу длинные, до талии волосы.

– По крайней мере давай пошлем за нашими братьями.

– К тому времени, как наши братья оставят службу и смогут нам помочь, граф будет уже в безопасности за высокими стенами Регенфорда. Там его не достать. Я знаю, он поедет по этой дороге: говорили, что он вернется в Регенфорд, как только закончится турнир. А турнир закончился больше недели назад.

Она обвила голову толстой косой и надела темную шерстяную шапочку.

– Я поймаю этого негодяя на пути в замок.

– Тебя убьют, – заплакала Тильда, вне себя от страха за сестру.

– Пусть, но Питни будет отомщен.

Подойдя к Тильде, Саксан обняла ее. Тринадцатилетняя девочка с медово-золотистыми волосами и мягким взглядом серо-голубых глаз, Тильда обещала стать красавицей. Ее только формирующаяся, но уже с округлыми формами фигура напоминала телосложение их сестер Тины и Тьюсдей, но в ней не было ничего общего с гибкой, тонкой и стройной Саксан. Их старшие сестры вышли замуж двенадцать и десять лет назад, так что Саксан и Тильда давно уже остались вдвоем. Их близости способствовала и смерть матери, последовавшая через несколько месяцев после рождения Тильды. Младшая сестра была для Саксан так же дорога, как и Питни, но даже она не могла отговорить девушку от принятого решения.

– Не рассказывай Кенелму и Олану о моих планах как можно дольше, – сказала она Тильде, рассеянно глядя рыдающую девочку по плечу.

– Почему бы тебе не взять их с собой?

– Они не пустят меня, и ты это знаешь. Но даже если бы и пустили, лучше им остаться дома. Я их люблю, но они не годятся для мщения. И потом, чем меньше нас будет замешано в этом деле, тем лучше. То, что я собираюсь сделать, может погубить имя Тоддов, если я сделаю это не одна. А так мой поступок можно объяснить умопомешательством.

– Ты ведь даже не знаешь, как выглядит граф.

– Знаю. Высокий и темноволосый, со шрамом над левым глазом. Я видела его во сне почти две недели назад, видела кровь на его руках. Хотя после этого я и не могла спать несколько ночей, но не придавала кошмару большого значения, поскольку не была уверена, что это кровь Питни.

Она отошла от Тильды, взяла свой кинжал и маленький лук.

– Сообщи нашим братьям, если хочешь. Хантер и Рок скоро вернутся, ведь сорок дней их службы королю заканчиваются.

– Тогда подожди. Пожалуйста, Саксан, подожди. Хотя бы обсуди с ними.

– Нет, не могу. Они меня поймут. – Надев плотный темный плащ, она поцеловала Тильду в бледную щеку. – Темнеет. Надо идти.

Не просто было выбраться из Вулфшеда незамеченной. Люди, которых ее братья оставили охранять замок, были бдительны. Но они высматривали опасность снаружи, и это дало Саксан возможность ускользнуть. Девушка вела лошадь под уздцы, пока не очутилась в густом лесу за Вулфшед-Холлом. Лес оказался надежным укрытием. Только тогда она села на лошадь, но ехала шагом, чтобы не услышала стража на крепостных стенах.

Ее горе и жажда мести были так сильны, что она не чувствовала страха. В сердце просто не оставалось места для него. Хотя Саксан никогда не выезжала из Вулфшед-Холла, она знала маршрут, по которому граф направляется в Регенфорд. Он часто обсуждался ее родственниками, и граф редко отклонялся от него. Она была уверена, что встретится с кавалькадой графа через несколько дней. И тогда, ударом кинжала или стрелой, выпущенной из лука, убьет его. Кровь за кровь. Это был не только обычай семьи Тоддов, но и потребность ее души.

Пробираясь сквозь темную чащу, Саксан думала о том, как долго юная Тильда сможет удерживать братьев от погони за ней. Такая тактика требовала хороших способностей ко лжи, а Тильда не была опытной в этом деле. То, что девочке придется лгать своим родственникам, кузенам, которых она любила, сделает задачу еще труднее. Саксан сомневалась, что ей удастся намотать своих братьев, но это не имело значения. Она все равно будет впереди них, и, несмотря на то что они отличные наездники, Саксан надеялась сохранять свое преимущество достаточно долго, чтобы успеть совершить задуманное.

Ее лошадь Миднайт – сильный, быстрый жеребец – была одной из лучших в конюшне отца. Лошади двоюродных братьев, должно быть, устали, так как проделали долгий путь, чтобы привезти ей ужасное известие. Мальчикам придется выбирать новых на конюшне, но ни одна из них не могла сравниться с Миднайтом.

Перед глазами неотступно стоял образ Питни. Воспоминания о нем обостряли ее горе. Саксан одинаково любила всех членов своей большой семьи, однако никто из них не был ей близок, как он. Странно, что она не почувствовала момент, когда душа Питни покинула его тело. Саксан всегда верила, что ее душа связана с душой Питни какими-то таинственными узами.

Мысль о хладнокровном злодее укрепляла ее решимость. Убийство не было для нее в новинку. Она и сама раньше убивала. Правда, только в битве, чтобы защитить себя. Сейчас враг не нападет на нее. Может быть, граф будет безоружен. Но на его руках кровь Питни, и его очевидная виновность придаст ей силы для удара. Она сможет убить его, даже если он будет совершенно беспомощен, даже если этим сама себе подпишет смертный приговор.

Смерть не пугала Саксан. С того мгновения, когда братья сообщили ей о гибели Питни, она не могла думать ни о чем другом, кроме как о мести. Каждый ее шаг был направлен на достижение этой цели. Саксан отдыхала мало, главным образом давая передышку лошади, почти не ела и не задумывалась об опасностях, подстерегающих ее, девушку, едущую в одиночку, хотя и в мужском платье. По дороге Саксан раздумывала о том, где ей лучше всего пересечься с графом, и решила, что нужно как можно скорее добраться до трактира «Кабанья голова».

– Ну как Питни? – спросил Ботолф у матери, подъехав к карете и заглянув внутрь.

– Неплохо, но дорога утомила его.

– В миле отсюда есть трактир «Кабанья голова». Надо поскорее попасть туда.

– Это было бы хорошо. Там он сможет согреться. Я думаю, что ночи, которые нам пришлось провести на открытом воздухе, если не повредили ему, то уж точно, не способствовали заживлению раны.

Ботолф поймал взгляд юноши и улыбнулся:

– Потерпи еще немного, дружок.

– Со мной все в порядке, милорд, – ответил Питни. – Честное слово. Просто я еще страдаю от боли, и вряд ли можно что-нибудь сделать, чтобы ее уменьшить.

– Когда ляжешь в постель, станет легче.

– Не откажусь. – Питни вымученно улыбнулся. – Мне неловко, что я причиняю вам столько беспокойства.

– Перестань, никакого беспокойства. Я обязан тебе жизнью. То, что я везу тебя в Регенфорд, – лишь малая плата за это. Я послал вперед человека предупредить трактирщика о нашем приезде, так что, должно быть, нас уже ждут.

В трактире «Кабанья голова» все было готово к прибытию графа, когда его кавалькада наконец подъехала к крыльцу. Ботолф подозревал, что с того момента, когда хозяин получил известие о его приезде, там поднялась суматоха. Трактирщик Уилл Мик страшно гордился тем, что принимает графа и графиню Регенфорд. Ботолф знал, что он третий граф, останавливающийся на этом постоялом дворе по пути в замок, и трактирщик явно не хотел терять таких выгодных клиентов.

Ботолфа, его мать, Питни и знатных членов свиты быстро разместили в комнатах, лошадей накормили, а повозки поставили под навес. Всем приготовили горячие ванны, и, судя по ароматам, витавшим в воздухе, трапеза обещала быть обильной.

Присоединившись к сэру Эдрику, шагавшего в сторону гостиной, Ботолф заметил, что Уилл Мик внимательно присматривает за двумя своими малосимпатичными дочерьми, и с трудом сдержал усмешку. Как известно, останавливаясь в трактирах, рыцари не обделяли вниманием прислуживавших им женщин. Ботолф решил, что именно это и было причиной, по которой отец поторопился остановить свою старшую дочь, когда та поднималась по лестнице с подносом для раненого Питни.

– Но ведь он еще мальчик, – запротестовала девушка, – и с такой ангельской внешностью. Ты зря беспокоишься, папа.

– Зря! Имя этого мальчика – Тодд, – прорычал Уилл Мик. – Половина бастардов здесь и в Кристиндоне могут по праву носить это имя.

– Вранье! – вскричал сэр Эдрик с таким пафосом, что Ботолф рассмеялся. – Возьми назад свои слова, сукин сын.

Уилл Мик на мгновение прищурился и вдруг широко открыл глаза, узнав Эдрика:

– Сэр Эдрик Хелдон! Да, а остальные безымянные бастарды могут носить имя Хелдонов.

– Неправда! Мы не совращаем молодых девушек.

– Нет? А как было с Анной из соседней деревни? Ваш сын Кенелм в прошлом году изнасиловал несчастную на сеновале возле дома ее отца. Он наградил ее ребенком.

– Глупости. Кенелм никогда не стал бы спать с женщиной на сеновале. Он любит комфорт. Кроме того, в таком месте мужчину, чего доброго, могут и зарезать.

Сэр Эдрик улыбнулся дочери трактирщика, которая с трудом удерживалась от смеха. Уилл Мик это заметил.

– Убирайся отсюда! – приказал он дочери. Потом повернулся к Хелдону: – Не вздумайте испробовать на ней ваши любезности и порочные улыбки!

С трудом подавляя смех, Ботолф взял у девушки поднос.

– Я поговорю с молодым человеком, мастер Мик.

Наблюдая за тем, как хозяин, непрерывно сквернословя, прогнал свою дочь, Эдрик пробормотал:

– Этому типу не подходит его имя.

– Пойдите, поешьте что-нибудь, Эдрик. Я вернусь через минуту.

Улыбаясь, Ботолф вошел в комнату Питни, однако его радость быстро сменилась разочарованием. У постели больного сидел его оруженосец Фаролд Мортон, пребывавший в совершенном смущении. Поставив поднос, Ботолф обратился к Питни с напускной строгостью:

– Не вздумай совращать здесь девушек, молодой человек.

– Я и не думал совращать ее, – запротестовал Питни. – По правде говоря, вряд ли я мог бы это сделать. Я еще недостаточно здоров.

– Можешь или нет – никаких девушек, пока ты у меня на службе. Я не потерплю соблазнения девственниц.

– А она девственница? Я бы так не подумал. Надо видеть, как она стреляет глазами и крутит бедрами.

– Судя по тому, как Мик трясется над ней, я подозреваю, что она невинна. Мой отец считал, что соблазнение девушек есть не что иное, как злоупотребление нашим положением и властью. Я не могу не согласиться с ним.

– Значит ли это, что они спят с нами, просто боясь отказать людям высокого положения, а не из-за нашей внешности и обаяния?

– В случае с тобой, думаю, это не совсем так, – пробормотал Ботолф. – Как бы там ни было, со временем ты сам разберешься в этом.

Получив от Питни заверения в том, что он будет вести себя хорошо, Ботолф спустился вниз, чтобы как следует поесть. Он едва покончил с последним куском сочного ростбифа, как леди Мери встала и позвала горничную, собираясь отправляться спать. Ботолф понимал, что мать уходит, чтобы мужчины могли чувствовать себя непринужденнее. С улыбкой он отметил про себя, как быстро потекли эль и беседа с того момента, как она поднялась в спальню. При виде пажа, наполнявшего его стакан, Ботолф почувствовал, что ему предстоит приятный вечер в хорошей компании.

Саксан подъезжала к трактиру «Кабанья голова». Одного быстрого взгляда было достаточно, чтобы удостовериться: граф уже прибыл. Оставив лошадь конюху, она вошла на постоялый двор и была встречена дородным трактирщиком. Саксан выругалась про себя, надеясь, что этот человек не помешает ей. Олан и Кенелм, наверное, уже скоро будут здесь. По дороге она заметила их, и последние несколько миль Миднайт несли на довольно рискованной скорости. То ли братья оказались проворнее, чем она предполагала, то ли бедная Тильда не сумела задержать их в Вулфшеде.

– У меня нет комнаты, парень, – сказал ей трактирщик. – Но, может быть, для тебя найдется место на конюшне.

– Согласен. – Саксан старалась говорить низким, грубым голосом. – У вас осталась какая-нибудь еда?

– Да, мы можем накормить тебя прямо сейчас. Проходи и садись. – Он указал на общую комнату. – Я распоряжусь, чтобы тебе что-нибудь принесли. Только не вздумай мешать графу и его компании.

– Не буду, сэр.

Как только трактирщик вышел, Саксан проскользнула в комнату, где сидели Ботолф и его друзья. Они были слишком заняты беседой и выпивкой и не заметили ее, но она все-таки держалась в тени.

Дюйм за дюймом приближалась Саксан к графу, внимательно изучая человека, которого собиралась убить. Он высок и широк в плечах. Рост, наверное, целых шесть футов, однако в его движениях чувствовалось определенное изящество, неожиданное для такого сильного мужчины. Саксан знала, что у нее есть только один шанс.

Она засунула под шапочку выбившийся локон. Утром она помыла голову и второпях не заколола волосы. Теперь Саксан пожалела об этом: волосы постоянно выбивались из-под шапочки и могли оказаться помехой в нужный момент.

Затаив дыхание Саксан двинулась вперед. Ее глаза неотступно следили за графом и даже заболели от напряжения. В нем не было красоты, которую она привыкла видеть в окружающих ее мужчинах. Улыбка не была открытой, а смех таким звонким, как у сидевших рядом людей. Лицо его показалось ей чересчур суровым, а черты – чересчур резкими: орлиный нос и высокие скулы усиливали впечатление холодности. Он выглядел слишком хладнокровным. «Достаточно хладнокровным, чтобы вонзить нож в юношу, вверенного его заботам», – думала Саксан, и ее ярость сделалась такой сильной, что отдалась болью в животе.

Достав кинжал из ножен, она крадучись стала приближаться к Ботолфу. Все ее тело напряглось; она вышла из тени. Саксан уже собиралась ударить, когда

услышала сзади тяжелые шаги и поняла, что кто-то вошел в комнату. Прошептав проклятие, девушка занесла кинжал.

– Милорд! Берегитесь! – вскричал трактирщик. Ботолф резко обернулся, схватил нападавшего за руку и тем самым остановил удар, направленный ему в сердце. Хрупкая скамейка под ним сломалась, и он упал на пол, увлекая за собой незнакомца. Все мужчины вскочили на ноги. Руки потянулись к рукояткам мечей, но никто не вмешивался. Было очевидно, что Ботолф легко победит такого низкорослого противника.

Борясь с подростком на твердом деревянном полу, граф успел подумать, что теперь Сэсил подсылает к нему детей. Ему не терпелось допросить малолетнего убийцу, и он не вкладывал в удары всю свою силу. Борьба затягивалась.

Поначалу Ботолфа удивили сила и ловкость худенького подростка. Удивление перешло в изумление, когда во время борьбы шапочка мальчика внезапно слетела, освободив рассыпавшуюся массу густых светло-платиновых волос.

– Клянусь богом, это девушка! – воскликнул Ботолф, прекращая схватку и прижимая свою противницу к полу.

– Это Саксан! – закричал Эдрик, подбегая к Ботолфу, но его оттолкнули разгоряченные сыновья, вбежавшие в комнату.

– Вы соврали ей! – обрушился на них Эдрик.

– Мы не хотели, – начал оправдываться Кенелм. – Олан выпалил, что Питни умер, а Саксан просто стояла и смотрела на нас, не двигаясь, не говоря ни слова. Наше сообщение ошеломило ее. Мы даже не поняли, в чем дело. Получилось, что мы невольно сказали ей, будто это граф убил Питни. Но Тильда объяснила нам, какую мы совершили ошибку.

– Да, – подтвердил Олан, – когда мы поговорили с Тильдой, до нас дошло, что Саксан могла неправильно нас понять, но она уже сбежала.

– Так что мы бросились вслед за ней, – закончил Кенелм.

– Еще немного, и было бы слишком поздно, – буркнул Эдрик, награждая сыновей подзатыльниками.

Ботолф слушал, что говорили Эдрик и его сыновья, но его внимание было сосредоточено на девушке, которую он все еще прижимал к полу. Та не смотрела на него. Взгляд ее широко раскрытых сапфирово-синих глаз метался от кузенов к дяде и обратно. Красоту глаз подчеркивали светло-коричневые изящно изогнутые брови и длинные густые ресницы. Короткий прямой нос, нежный рот, который притягивал взгляд Ботолфа. Ее маленькое овальное личико было очаровательно. Граф чуть было не улыбнулся, подумав, что никогда у него не было такого красивого противника.

Ботолф почувствовал, как расслабилось гибкое тело Саксан, когда она начала осознавать, что говорили ее родственники. Он приподнялся на локте и принялся рассматривать ее. Наконец девушка тоже взглянула на Ботолфа. Сбитая с толку, Саксан тем не менее – где-то в глубине сознания – отметила, что из-под густых бровей на нее смотрят очень красивые темно-карие глаза.

– Вы не убивали Питни? – спросила она.

– Нет, миледи.

– Понятно. Тогда кто?

– Человек, посланный убить меня. Но Питни ему помешал.

Он нехотя поднялся и помог встать Саксан.

– Ага. А что стало с убийцей?

– Он умер, после того как ударил Питни кинжалом.

– Вы забрали с собой тело Питни?

– В некотором роде. – Он взглянул на Эдрика и его сыновей и понял, что открыть истину предоставили ему. – Видите ли, Питни не умер. – Ботолф испугался, увидев, как краска сошла с лица Саксан и оно сделалось пепельно-серым.

– Милорд, мне кажется, что первый раз в жизни я упаду в обморок.

Саксан пошатнулась, Ботолф подхватил ее. Видя, что все словно окаменели, он поднял девушку на руки. Потом подошел к скамье и сел, держа Саксан на коленях. Эдрик с сыновьями осторожно приблизились к ним.

– Нет, вы только взгляните! – Эдрик поднял бессильную худенькую руку племянницы и легонько потряс ее. – Она и в самом деле грохнулась в обморок.

– Видно, она и вправду никогда раньше не теряла сознания, – сочувственно заметил Ботолф, когда Хелдоны сели.

Прежде чем они могли ответить, дверь распахнулась и вбежала бледная, взволнованная леди Мери. Должно быть, она еще не спала и услышала шум. После всего, что случилось, она, естественно, предположила, что на ее сына снова совершено покушение. Ботолф чуть не рассмеялся, когда она застыла в дверях, не веря своим глазам. Вместо того, чтобы застать его в смертельной схватке, раненого или мертвого, мать нашла сына сидящим на скамейке и держащим на коленях девушку в мужском платье.

– Ботолф! – вскричала леди Мери, придя в себя и бросаясь к сыну.

Ботолф взглянул на мать и ясно прочел в ее карих глазах некое обвинение, однако с его стороны оно не заслуживало упрека.

– Это не то, что ты думаешь, мама.

Он посмотрел на Хелдонов, но от них не последовало никакой поддержки, кроме широких ухмылок.

– Она мне кого-то напоминает, – пробормотала леди Мери.

– Цветом волос, да, миледи? – невинно спросил Эдрик.

– Да, да, цветом волос. Они в точности как у Питни. О боже, это ваша племянница?

– Да, это сестра Питни, Саксан. Как я и боялся, мои ребята все перепутали. Мне стыдно признаться, но Саксан прибыла сюда, чтобы убить его светлость.

– Убить Ботолфа?

– Именно так, но он поймал ее руку, когда она хотела его ударить, и мы смогли разрешить недоразумение, – продолжил Кенелм.

– Ты ранил ребенка, Ботолф?

– Нет, миледи, – ответил Олан. – Моя кузина потеряла сознание, когда его светлость сказал ей, что Питни жив.

– В самом деле? А почему ты держишь ее на коленях?

– Он поддержал ее, когда она падала, – объяснил Олан.

– Понятно, – задумчиво протянула леди Мери.

– По-моему, девушка приходит в себя, – объявил Весли.

– Да, – согласился Ботолф, – думаю, вы правы.

Саксан медленно открыла глаза. Она все еще не могла поверить, что с ней случился обморок. Никогда раньше ничего подобного с ней не происходило. Постепенно Саксан все вспомнила. Глаза ее расширились, она осторожно подняла голову и посмотрела на человека, который держал ее на коленях. Несмотря на волнение, Саксан опять обратила внимание на то, что у него слишком красивые для мужчины глаза.

Ботолф же был сразу пленен похожими на озера горящими сапфировыми глазами. Ресницы были даже длиннее, чем ему показалось раньше, – просто на кончиках светло-коричневый цвет переходил почти в серебристый. Он стряхнул с себя оцепенение, надеясь, что выглядит не так глупо, как себя чувствует.

– Значит, мой брат жив?

Ботолф решил не напоминать Саксан зачем она явилась сюда.

– Да, хотя и ранен. Но не волнуйся, рана не опасна, и он скоро поправится. Твой брат спас мне жизнь. Невооруженный, он бросился на моего убийцу. За это я даровал ему рыцарство.

На мгновение Саксан испугалась, что опять потеряет сознание. Она закрыла глаза, стараясь справиться с волнением. И тут вдруг девушка осознала, что сидит на коленях у незнакомого человека. На этот раз она обратила свой гнев на чересчур развеселившегося дядю.

– Ты заметил, что я сижу на коленях у чужого мужчины? – спросила Саксан подчеркнуто небрежным тоном.

– Ну, он не чужой, детка. Это граф, наш сеньор.

– Понятно. А не думаешь ли ты, что в следующий раз, когда нужно будет передать важное сообщение, тебе следует послать кого-нибудь другого вместо этих двух дураков с головами, набитыми опилками? – Ее вдруг ужаснула мысль, что из-за глупости своих кузенов она чуть не убила невинного человека.

– Саксан! – возмутился Олан, выглядевший очень обиженным.

Она медленно поднялась с колен Ботолфа, не сводя глаз с братьев.

– Да, дураки – это еще мягко сказано. Лучше сказать болваны или даже идиоты. – Она набросилась на Олана, который вскочил со своего места, стараясь увернуться от ударов. – Болваны!

– Саксан, это просто недоразумение, – поспешно вставил Кенелм, тщетно пытаясь успокоить рассвирепевшую кузину. – Ты ведь простишь нас?

– Я вам покажу мое прощение! – Она запустила пивной кружкой в голову Кенелма и залилась смехом, когда та попала в цель.

Прежде чем Саксан успела швырнуть еще что-нибудь, Олан поймал ее за руку. Но слишком поздно: она уже схватила тарелку. Ударившись о голову Олана,

металл издал чистый, звенящий звук, доставивший Саксан удовольствие. Но тут она потеряла равновесие и упала, повалив также и Олана. Кенелм поспешил на помощь брату и тоже оказался в свалке. Саксан слышала хохот людей Ботолфа, но была слишком зла, чтобы обращать на это внимание.

Ботолф взглянул на покатывающегося со смеху Эдрика:

– Не думаете ли вы, что должны положить этому конец?

– Нет, Саксан не слишком сильно отделает мальчиков.

– Сэр Эдрик, – осуждающе произнесла леди Мери.

– Не беспокойтесь, миледи. Я скоро это прекращу. Ребята заслужили наказание, а Саксан нужно как-то дать выход своему гневу. Я вмешаюсь, когда мои сыновья забудут, что их сестра – леди, и начнут давать ей сдачи или когда она начнет ругаться слишком грубо и громко.

Ботолф понял, что такое в их семье случается нередко, поскольку Эдрик скоро вмешался в схватку, как и обещал. Только человек, привыкший к подобным ссорам, мог так быстро и умело действовать. В тот самый момент, когда Кенелм собрался нанести Саксан очень уж негалантный удар, Эдрик схватил своего сына в охапку. Двое других участников драки повернулись к нему, рассвирепевшие и недовольные вмешательством.

– Дай мне ударить ее разок, – запротестовал Кенелм. – Эта скандалистка укусила меня.

– Я ему покажу! – Саксан издала боевой клич, вскочив на ноги и потрясая кулачком перед носом брата.

Эдрик проворно оттолкнул Кенелма в сторону, а затем ловким движением схватил Саксан за руки. Ботолф закусил губу, чтобы не рассмеяться, когда Эдрик оттаскивал все еще брыкающуюся Саксан от своих сыновей.

– А теперь, моя воинственная племянница, позволь представить тебя твоему сеньору. Ты помнишь человека, которого чуть не заколола минуту назад?

– Да, но не стоит меня осуждать за это, – проворчала Саксан. Она была смущена, но старалась не показывать вида. – Это нелепая ошибка, и, кроме того, я промахнулась.

– Эта несносная девчонка – Саксан Хани Тодд, милорд. Саксан, жертва твоего неудавшегося покушения – Ботолф Корвайн Лавингтон, барон Мирвуд и граф Регенфорд. – Эдрик подтолкнул ее вперед. – Сделай реверанс. Покажи, что у тебя по крайней мере есть и хорошие манеры.

Саксан посмотрела на дядю очень сердито, но тут же мило улыбнулась Ботолфу. Несмотря на мужское платье, она сумела сделать изящный реверанс, а потом села на краешек скамьи рядом с Эдриком. Теперь, когда гнев ее ослаб, Саксан волновало только одно. Наказание за попытку убийства ее не пугало: она была почти уверена, что его не последует.

– Можно мне теперь увидеть Питни? – вежливо спросила Саксан.

Ботолф едва не покатылся со смеху. Нахальная девчонка, похоже, совершенно не смущена и не раскаивается ни в попытке убить его, ни в драке с кузенами. Она явно не понимала, что ее поведение крайне необычно для молодой леди, и, как видно, ожидала, что ее примут такой, какая она есть, а если и не примут, то ей наплевать.

Впервые за долгое время Ботолфа гораздо больше интересовала сама женщина, чем удовлетворение своего желания, но, оценив гибкое тело, очертания которого хорошо обрисовывали куртка и обтягивающие штаны, он признался себе, что вожделение здесь тоже имеет место. Саксан очаровала его, и Ботолф не знал, была ли тому причиной ее незаурядность. Если Саксан не отличается изящными манерами, свойственными дамам из высшего общества, быть может, она лишена и их недостатков? Отбросив в сторону размышления, граф сосредоточился на ее просьбе.

– Конечно. Я сам отведу тебя к брату. – Он встал и протянул ей руку.

Саксан поколебалась: у них не принято, чтобы джентльмен вел леди за руку. Но потом пожала плечами и согласилась. Когда большая ладонь графа обхватила ее маленькие пальчики, Саксан вдруг испытала незнакомое ранее чувство. Она испугалась, что лицо выдаст ее внезапное смущение, но, решившись взглянуть

на Ботолфа, успокоилась: видимо, он ничего не замечал.

Ботолф в свою очередь почувствовал сильное желание затащить Саксан в свою спальню, но, посмотрев на нее сверху вниз, устыдился захлестнувшей его страсти. Она такая хрупкая, крошечная. Чувственные мысли, роящиеся у него в голове, наверное, привели бы ее в ужас.

– Вы говорите, что Питни быстро выздоровеет? – спросила Саксан, когда он вел ее по узким ступеням в комнату юноши.

– Да, – ответил Ботолф, с удовлетворением отметив, что голос его звучит равнодушно и сладострастные мысли не отразились в нем. – Моя мать сидит возле вашего брата с тех пор, как его ранили. Вчера вечером он чувствовал себя уже достаточно хорошо, чтобы флиртовать со старшей дочерью хозяина.

– Он флиртовал бы и на смертном одре, – заметила Саксан язвительно. – Даже Кенелм и Олан при том, что у них один ветер между ушами, могут вернуть комплимент и вскружить голову девушке. Все мои родственники мужского пола, по-моему, родились с этим даром. – Она насторожилась, когда Ботолф остановился перед дверью.

Когда они вошли в комнату, Питни спал. И молодой Фаролд тоже. Ботолф разбудил его и отослал прочь. Он не отводил глаз от Саксан, медленно приблизившейся к постели брата, и решил, что их лучше оставить наедине. Но, открыв дверь, граф поколебался: если девушка снова лишится чувств, Питни не сможет помочь.

– Питни, – прошептала Саксан, дрожащей рукой дотронувшись до его щеки.

Ресницы мальчика дрогнули, и, открыв глаза, он уставился сонным взглядом на Саксан, слабо улыбнувшись ей:

– Привет, уродина. Наши братцы наболтали тебе лишнего, да?

– Да, – выдавила она со слезами в голосе. – Не бойся, я не заколола графа.

– Это хорошая новость, хотя я не могу понять, зачем ты вообще намеревалась его убить. Черт возьми, ты ведь не собираешься рыдать надо мной?

Питни обнял рыдающую сестру. Тем временем Ботолф тихо выскользнул из комнаты. Трогательно и как-то умиротворяюще было видеть такую дружную семью, как Тодды. Не это ли одна из причин, по которой они казались странными окружающим? Сильная семейная привязанность, как ни печально, становилась все большей редкостью. Ботолф был склонен видеть в Тоддах только хорошее и знал, что это еще одна причина его интереса к Саксан Хани Тодд.

* * *

Поймав взгляд матери, Ботолф едва сдержал улыбку. В течение всего завтрака она внимательно наблюдала за ним. Материнский инстинкт подсказывал ей, что сердце его беспокойно и тому виной Саксан Тодд. Ботолф понимал, что леди Мери будет только рада, если в нем вновь пробудится интерес к женщинам иного плана, нежели проститутки и любовницы, обычно удовлетворявшие его мужские потребности. Но по выражению лица матери он понял, что та не вполне одобряет его выбор. Пожалуй, Саксан Тодд казалась леди Мери слишком взбалмошной. Ботолф молча пил эль, ожидая, когда мать соберется с духом и заговорит о том, что ее тревожит.

– Саксан удивительно похожа на Питни, – сказала наконец леди Мери, глядя на сэра Эдрика, сидевшего слева от Ботолфа.

– И ведет себя тоже как мальчишка. – Эдрика позабавило, когда она покраснела, не найдя слов, чтобы опровергнуть его утверждение. – Нет, миледи, не защищайте ее. Я говорю правду, и мы оба это знаем. Мать бедной девочки умерла тринадцать лет назад, и моя жена к тому времени была уже давно в могиле. У Саксан есть старшие сестры, но они вышли замуж и покинули родительский дом, когда она была еще ребенком.

– Но, наверное, были и другие женщины, которые могли о ней позаботиться?

– Сначала Алхрик искал женщину, которая могла бы поселиться в Вулфшед-Холле и заботиться о Саксан и ее младшей сестре Тильде. Но из этого ничего не вышло. – Эдрик пожал плечами. – Женщин, которые к нему приезжали, гораздо

больше интересовало, как бы заполучить Алхрика в мужья, поскольку все они были вдовами или старыми девами. Наконец Алхрик решил воспитывать девочек сам с моей помощью и нашего кузена сэра Фридолфа Джагера.

– Почему же старшие сестры не взяли девочек к себе?

– Они предлагали, но Алхрик не хотел разлучать близнецов. Это одна из причин, по которой Питни готовили в пажи в Регенфорде. Кроме того, Тина и Тьюсдей растили собственных детей и помогали воспитывать девочек в семьях своих мужей. Но главное, Алхрик и слышать не хотел о том, чтобы кто-нибудь из детей покидал родное гнездо.

– Думаю, все родители одинаковы, – заметила леди Мери.

– И в результате Саксан и Тильда получили воспитание, по меньшей мере необычное для юных леди, – закончил Ботолф.

Эдрик кивнул:

– Они росли вместе с мальчиками. Правда, девочки владеют рукоделиями, но в целом их воспитывали одинаково. Поскольку мы, взрослые, не делали между ними различия, их братья до последнего времени относились к ним как к равным. И изменили свое отношение, только когда Саксан и Тильда повзрослели.

Вспомнив драку между Саксан и ее кузенами, Ботолф усмехнулся:

– Похоже, они и сейчас иногда забывают, что Саксан – девушка.

– Да. – Эдрик рассмеялся и, опомнившись, виновато улыбнулся леди Мери. – В этих диких краях мы живем одни, миледи. Там мало соблюдаются куртуазные манеры и правила хорошего тона, и, честно говоря, мы не видим в этом ничего страшного. В последние два года воспитанием девочек занимались братья, старшему из которых двадцать четыре года. Тот факт, что мужчины оставили девочек в Вулфшеде одних, ясно говорит о том, что они уверены в своих сестрах.

– Девочек оставили одних в таком опасном месте? – воскликнула леди Мери, широко открыв глаза.

– Действительно, сэр Эдрик, это не разумно, – поддержал ее Ботолф. – Ни один замок не может быть неприступным, а на границе опасность многократно возрастает. Рогз и Черный Дуглас часто совершают набеги.

– Это правда, милорд. И все же их мать однажды целых два месяца успешно обороняла Вулфшед-Холл от шотландцев. Саксан и Тильда похожи на нее.

Ботолф опустил голову, чтобы скрыть усмешку. Теперь он понял, почему манеры Саксан Тодд так напоминали мужские. Неудивительно при таком воспитании. Вместе с тем, знакомство с сэром Эдриком и Питни вселило в него уверенность в порядочности Саксан, и он надеялся, что его матери теперь будет легче принять Саксан такой, какая она есть, хотя сам Ботолф не вполне понимал, почему ему этого хочется.

Втайне ото всех у него рождался рискованный план. Ботолф признался себе, что всерьез думает о женитьбе на этой девушке, и собирался присмотреться к ней повнимательнее. Все, конечно, будет намного проще, если его мать и Саксан поладят. Леди Мери и его покойная жена никогда не были дружны, и в их доме не утихали раздоры. С него хватит.

Прочитав в глазах матери желание задать ему множество вопросов, Ботолф извинился, сославшись на необходимость подготовиться к путешествию, и вышел. Он еще не мог дать леди Мери исчерпывающие объяснения и чувствовал, что должен быть осмотрительным; его страшила возможность обременить себя женой наподобие Элис. Сама мысль о такой опасности заставила Ботолфа содрогнуться. Вряд ли у него хватит сил пережить еще один неудачный брак.

Хотя Саксан совсем не походила на Элис, интуиция не позволяла Ботолфу забыть об осторожности. Он дал себе слово, что головокружительная привлекательность Саксан не сможет повлиять на его решение. Вчера, помогая Питни раздеть спящую сестру, граф быстро осознал, что стоит у опасной черты. Изящество и стройность полураздетой девушки врезались ему в память. Следя за приготовлениями к отъезду, Ботолф поймал себя на том, что, несмотря на принятое им решение быть очень осторожным, он все время ищет глазами Саксан.

Саксан проснулась внезапно, вся в холодном поту. Кошмар вернулся, несмотря на все усилия прогнать его. Граф стоял перед глазами, и с его мускулистых рук с длинными пальцами капала кровь. Только это был не граф. Человек, терроризирующий ее во сне, лишь напоминал Ботолфа, но сердце говорило ей, что это не он. Вдруг Саксан осенило, и она прямо-таки подскочила в постели.

– У графа нет шрама! – воскликнула девушка.

– Ради бога, Саксан! – вскричал Питни, чуть не выронив поднос с завтраком. – Что случилось?

Саксан посмотрела на брата и спокойно объяснила:

– У лорда Ботолфа нет шрама над левым глазом. – Она взяла хлеба с сыром и продолжила: – Недели две назад мне приснился сон. Передо мной стоял человек, и на руках у него была кровь. Этот человек очень похож на нашего сеньора, поэтому я и подумала, что граф убил тебя, хладнокровно зарезал мальчика, вверенного его заботам. Так вот, этот сон приснился мне снова, только на сей раз я заметила кое-что еще кроме крови. Хотя этот человек сильно смахивает на графа, он не граф. У мужчины из моего сна шрам над левым глазом. Интересно, кто он?

– Скорее всего, злодей, – усмехнулся Питни. – Ты действительно пыталась заколоть графа?

– Ага. Эти дураки Кенелм и Олан все переврали. Я прискакала сюда на Миднайте и чуть было не наломала дров. Но мастер Мик увидел меня и закричал. Граф схватил меня за руку, мы некоторое время боролись с ним, и только потом я узнала правду. И грохнулась в обморок. – Саксан захихикала. – Это сильно удивило дядю и братьев.

– Могу себе представить. – Питни покачал головой, глядя, как она встала с постели и начала одеваться. – Граф говорил что-нибудь о наказании?

– Нет. Наверное, он понял, что произошла ошибка. Если бы он хотел меня наказать, то уже сделал бы это.

– Это точно.

– Послушай, Питни, почему я не одета?

– Ты так ревела, что почти утопила меня в слезах, а потом заснула, так что граф помог мне уложить тебя в постель.

– О... – Саксан нагнулась, делая вид, что зашнуровывает сапоги, в действительности же – чтобы скрыть выступившую на щеках краску.

– Кто еще был дома, когда приехали Кенелм и Олан?

Саксан взглянула на брата – он был явно расстроен, – и ее кольнуло сознание своей вины. После того как Питни спас графу жизнь и был посвящен в рыцари за свою храбрость, он имел реальную возможность занять почетное место в свите Ботолфа. Перед ним открывались перспективы для продвижения по службе, которые не часто выпадают на долю младшего сына. Лишь благородство и любовь к сестре не позволили Питни упрекнуть Саксан за то, что она хотела сделать. Юноша наверняка боялся, что ее безрассудство могло разрушить все его планы.

– Со мной была Тильда, – ответила наконец Саксан, садясь на краешек кровати и перевязывая волосы кожаным ремешком. – Я должна сообщить ей, что все в порядке, а то бедняжка с ума сойдет от беспокойства. Она ведь узнала, что я собираюсь убить невинного, но лишь после того, как я ускакала. Кенелм и Олан все ей рассказали, прежде чем мчаться за мной. Дураки, – пробормотала она, качая головой и явно жалея о том, что не может снова наградить братьев парой тумачков.

– Не злись на них, Саксан. – Питни улыбнулся сестре, но тут же стал серьезным. – Я чувствую, что нашего сеньора преследует какая-то злая сила.

– Я тоже, Питни. Проклятый сон не идет у меня из головы. Почему он повторился сегодня? Если бы это было предупреждением о грозящей тебе опасности, как я сначала считала, он бы не вернулся. Или это тоже предупреждение, но тогда оно касается графа.

– Кто-то явно хочет его смерти.

– Нам надо быть бдительными.

– Верно. – Питни отставил поднос и откинулся на подушки. – Я не мог найти объяснения, но теперь мне все ясно.

– Хорошо. – Саксан поцеловала его в щеку, встала и направилась к двери. – Я зайду попозже, братик.

– Попозже? А что ты собираешься делать? Саксан! – позвал он, но та поспешно вышла из комнаты. – Надеюсь, дядя не будет спускать с тебя глаз, – крикнул он вслед девушке.

Саксан тихонько засмеялась и поспешила в гостиную, однако, заглянув туда, обнаружила, что дяде не до нее. Эдрик был так увлечен беседой с леди Мери, что ничего не замечал вокруг. Леди Мери сидела возле него слегка порозовевшая и по мере сил поддерживала разговор. Поскольку темой была угроза жизни Ботолфа, Саксан решила подслушать.

– Это меня очень тревожит, – говорила леди Мери. – Боюсь, что я чем-то обидела Сэсила. Моя вина, что он преследует своего брата. Но я не могу поверить, что он действительно хочет его убить.

Известие о том, что Ботолфу угрожает его собственный брат, потрясло Саксан.

Эдрик накрыл своей ладонью маленькую, изящную руку леди Мери.

– Я никогда не поверю, что это ваша вина. Он – гнилое семя, миледи, рожден, чтобы творить зло. Такие люди время от времени появляются даже в добропорядочных семьях, и никто в этом не виноват.

– Вы в самом деле так думаете, сэр Эдрик? – взволнованно спросила она.

– Да, конечно, я так думаю. – Сэр Эдрик наклонился к ней, понизив голос так, что Саксан пришлось напяречь слух. – Миледи, простите меня, но я хочу вас поцеловать.

– Хотите поцеловать?

– Да, без сомнения.

– Тогда целуйте быстрее, потому что я скоро приду в себя – и тогда будет поздно.

Саксан чуть не вскрикнула, когда они начали целоваться. «Мне лучше уйти», – подумала она и, выскользнув за дверь, бросилась к конюшне. Почему леди Мери решила поехать с Питни? Саксан знала, что ее дядя умеет очаровывать женщин, как и все мужчины их клана. Но на сей раз проблема заключалась в том, что леди, обольщаемая ее дядей, приходилась матерью их сеньору! Ее размышления были прерваны, когда возле конюшни дорогу ей преградил сам граф.

– Куда вы идете, мисс Тодд?

– На конюшню, милорд. Видите ли, там моя лошадь, я собираюсь обратно в Вулфшед-Холл, – ответила Саксан таким тоном, словно разговаривала с ребенком.

– Ты поедешь с нами, несносная девчонка.

– Но я не хочу причинять вам беспокойство, милорд.

– Никакого беспокойства. – Ботолф взял ее за руку. – Пойдем сделаем по глотку эля, прежде чем отправиться в Регенфорд.

Вспомнив сцену, свидетелем которой она только что стала в гостиной, Саксан посоветовала:

– На вашем месте я бы не входила туда.

– Почему?

– Мой дядя целует там вашу матушку. – Она не удивилась, когда граф резко остановился, отпустил ее руку и уставился на нее. – Вам следует закрыть рот,

милорд, мы около конюшни, и здесь много мух.

– Ты уверена, что они целовались?

– Совершенно уверена. Видела собственными глазами.

– Ну и ну!

– Вы что, не одобряете? – спросила Саксан, готовая и обидеться, и защитить своего дядю.

– Я потрясен и не готов еще выразить одобрение или неодобрение.

– А о чем вы сейчас думаете? – В голосе ее звенел смех. – Извините.

– Тебе давно следовало бы извиниться, дерзкая девчонка.

– Девчонка, да? – Саксан легко подхватила яблоко, упавшее с ветки. – Или же мисс Тодд?

Раздосадованный тем, что не поймал другое падающее яблоко с такой же ловкостью, Ботолф протянул:

– Я начинаю думать, что ее не существует.

– Интересно, как чувствуют себя те, кто не существуют.

– Не думаю, что им бывает неловко. – Надкусывая яблоко, он внутренне подивился абсурдности их разговора.

– Это успокаивает мой разум, хотя я подозреваю, что если не существует меня, то не существует и моего разума.

– Совершенно верно. – Граф наблюдал, как ее ровные белые зубы вгрызлись в яблоко с энергией, достойной лучшего применения. – Ты понимаешь, что если не существует ни тебя, ни твоего ума, то не существует и твоих зубов.

– Я скажу им об этом, милорд, как только они расправятся с яблоком. – Тут Саксан заметила, что сэр Роджер и сэр Весли идут к трактиру. – Эй, послушайте, я бы туда не ходила на вашем месте.

– Почему? – обернулся сэр Весли. – Я собираюсь выпить эля перед дорогой.

Ботолф не нашелся что ответить, но Саксан невозмутимо произнесла:

– Произошел ужасный случай. Мастер Мик угодил ногой под бочонок и сломал ее. Беднягу положили на большой стол в гостиной. Когда я уходила, они его готовили.

– Готовили к чему? – Сэр Роджер бросил тревожный взгляд в сторону трактира.

– К тому, чтобы отрезать искалеченную конечность, сэр Роджер, – объяснила она не моргнув глазом.

В этот момент мастер Мик собственной персоной появился в дверях и приветственно помахал рукой.

– Здравствуйте, милорд. Я только что открыл новый бочонок с элем. Подумал, что вы захотите выпить по кружке-другой перед отъездом.

Ботолф с трудом подавил рвущийся из груди хохот. Это было тем более трудно, так как Роджер и Весли тут же устали на ноги Мика, а Саксан выглядела невинной как младенец. Наконец граф смог сказать:

– Спасибо, Мик, мы как раз собирались выпить.

– Я наполню кружки, милорд, – заключил Мик и исчез в доме.

Сэр Весли повернулся к Саксан с возмущенным видом, к которому, однако, примешивалось и немного восхищения.

– Значит, ему отрезали ногу? – пробасил он.

– Да, но она снова выросла, – нашла Саксан. Пока ее собеседники осмыслили сказанное, она проскочила в дом, намереваясь приостановить ухаживания своего дяди за леди Мери, прежде чем их застанут за этим занятием, но в удивлении замерла на пороге. Леди Мери и Эдрик, еще полчаса назад казавшиеся неразлучными, теперь разошлись по разные стороны длинного стола. Саксан почувствовала на себе взгляд Ботолфа, хотя он приблизился почти неслышно.

– Ты уверена в том, что видела? – тихо спросил Ботолф.

– Совершенно, совершенно уверена, – кивнула Саксан, не спуская глаз с дяди и леди Мери. – Они то ли разыгрывают невинность, то ли между ними что-то произошло.

– Что могло произойти?

– Откуда я знаю? Я не особенно разбираюсь в сердечных делах.

Она умолкла, потому что вошли Весли и Роджер. Ботолф мягко взял Саксан за руку и усадил рядом с собой за стол. Он тоже хотел бы знать, что здесь произошло. Один взгляд на мать и Эдрика сказал ему, что те не прикидываются невинными овечками. Для этого они выглядели слишком напряженными и растерянными.

– Скоро выезжаем, Ботолф? – спросила леди Мери.

– Да, мама, – ответил он. – Как только утолю жажду.

– Тогда я пойду проверю, собрала ли моя горничная вещи.

Она поспешно вышла из комнаты. Сэр поднялся.

– Если вы позволите, милорд, я посмотрю, нужна ли Питни помощь.

Ботолф кивнул, и Эдрик также удалился. Весли и Роджер были заняты беседой. Поймав вопросительный взгляд Саксан, Ботолф пожал плечами:

– Понятия не имею, что здесь случилось.

– Вы хотите знать? – проговорила она как можно тише. – В конце концов, ваша мать – леди, вдова и мать графа, а мой дядя – всего лишь рыцарь, человек небогатый и имеющий двух сыновей, которых должен содержать.

– Глупости, – отмахнулся он. – Спасибо, Мик, – кивнул он трактирщику, принесшему эль.

– Это не глупости, – возразила Саксан, дождавшись, когда Мик уйдет.

– Может быть, и нет. Но положение и состояние твоего дяди не имеют существенного значения, поскольку моя мать уже не в том возрасте, чтобы иметь детей. Я считаю, в такие дела не следует вмешиваться, – твердо добавил он.

– А я этого и не предлагаю.

– Ха! Ты думала об этом.

– Ну, может быть, чуть-чуть, – нехотя призналась она. – Я буду просто наблюдать.

– Наблюдать за чем?

– За их поведением, милорд. Иногда по поведению человека можно судить о многом.

– Конечно, ты права. А что, если твой дядя просто флиртует, развлекается?

– Дядя Эдрик никогда не стал бы флиртовать с леди, которая занимает более высокое положение, чем он. И не с благородной дамой вроде вашей мамы.

– Если хочешь, можешь наблюдать за ними, но не более того.

– Да, милорд, как желаете, – проговорила Саксан с деланой покорностью.

– Твой отец мало тебя бил, – улыбнулся граф.

– Мой отец никогда меня не бил.

– Никогда? – переспросил он с сомнением.

– Нет. Я быстро бегала, – засмеялась девушка.

Они пили эль и болтали. Ботолф с удивлением отметил, что ему доставляет удовольствие вот так сидеть и трепаться с Саксан о пустяках, чего никогда не случалось раньше. Он почувствовал на себе любопытные взгляды своих друзей, но не стал обращать на них внимания.

Роджер и Весли были ему как братья. Обычно Ботолф мог рассказать им все. Если он сильно напивался, то мог даже поведать то, чего они вовсе не хотели бы знать. Однако на этот раз Ботолф не испытывал желания говорить с ними о Саксан. Его самого удивляло странное, сильное чувство, которое она в нем пробуждала, и ему не хотелось это обсуждать. Пожалуй, стоит сначала разобраться в своих ощущениях, прежде чем выражать их словами.

Слова пришли к нему сами собой, когда Саксан вывела из конюшни большого черного жеребца. Было ясно, что она собирается в Регенфорд. Ботолф быстро приблизился к девушке, когда она уже садилась в седло. Сжав ее руку, он заметил, что Саксан это отнюдь не понравилось, но даже ее гнев больше походил на гнев мужчины, и она не надула губки, как сделала бы любая женщина на ее месте. Ну что ж, иметь дело с таким характером ему было даже привычнее.

– Ты не можешь ехать на этой лошади.

– Это еще почему?

– Хрупкая девушка вроде тебя на таком звере?! Это абсурд.

– Я прискакала на нем сюда, – возразила Саксан.

– Тогда тебе повезло, что ты не сломала шею.

– Ха! Я езжу на Миднайте тысячу лет.

– Это правда, милорд, – подтвердил Олан, подходя к ним.

– Ну, в моей компании она на нем не поедет, – заявил Ботолф так категорично, что собственный тон показался слишком высокомерным даже ему самому.

Саксан пристально посмотрела на него:

– Не поеду, да?

– Нет.

Граф обхватил Саксан за тоненькую талию, не давая ей сесть на лошадь, но удержать девушку оказалось непростым делом. Саксан все время бросала ему вызов. В отместку Ботолф не слишком вежливо втолкнул ее в подкатившую карету, где сидели леди Мери и Питни. Ее независимость и удивляла, и забавляла его.

– Вот где вы поедете, мисс Тодд, – сказал граф. – Большой черный жеребец – неподходящее средство передвижения для леди.

– А кто считает меня леди? – поинтересовалась Саксан, но тут же замолчала, потому что хотела сказать совсем другое.

– Очень немногие, я думаю, но всегда есть надежда. – Он сдержал улыбку и, резко повернувшись, направился к своей лошади.

Саксан многое могла бы ему сказать, но из уважения к леди Мери не проронила ни слова, лишь взглянув на удаляющуюся широкую спину графа. Питни издал приглушенный смешок. Не обращая на него внимания, Саксан следила, как Миднайта привязывают к задку кареты. С притворным смирением она села и немедленно принялась обдумывать план побега.

Только после короткого послеобеденного отдыха Саксан представился шанс. Леди Мери спала, а никто из мужчин, ехавших верхом возле экипажа, не

смотрел в их сторону. Она шепотом позвала Миднайта.

– Ты разобьешь свою глупую голову.

Саксан вздрогнула, обернулась на голос и состроила гримасу.

– Не разобью. Я знаю, что делаю. А ты спи, Питни.

– Ну уж нет, я посмотрю.

Она продолжала тихонько звать лошадь. Когда та приблизилась настолько, что голова почти просунулась в дверцу кареты, девушка отвязала веревку.

Приподнявшись, насколько позволяли размеры экипажа, она набрала в грудь побольше воздуха и прыгнула. Попадание в седло прошло далеко не идеально, но Саксан удалось удержаться. После непродолжительной возни она прочно уселась на сильную спину Миднайта. Быстро объехав карету, Саксан прищепила коня и пустила его в галоп.

Надеясь скрыться с глаз попутчиков, Саксан промчалась по дороге и повернула в лес, простирающийся по обеим сторонам. В лесу она перешла на шаг, чтобы Миднайт мог пробраться между деревьями. Только убедившись, что находится достаточно далеко, Саксан остановила лошадь, спешилась и привязала поводья к толстой ветке. Затем крадучись вернулась к обочине дороги. Довольная улыбка, появившаяся на ее лице при виде проехавшей мимо кавалькады, погасла, когда она не увидела графа среди всадников.

Обратно к лошади Саксан шла, размышляя над тем, стоит ли сразу направиться в Вулфшед-Холл. Но где же граф Регенфорд? Неужели она не смогла перехитрить Ботолфа, и он выследил ее? Подняв голову, Саксан чуть не поперхнулась. Граф выглядел куда более сердитым, чем в тот день, когда она пыталась убить его, а возле Миднайта стоял не скрывающий любопытства Весли. Снова бросив взгляд на Ботолфа, Саксан догадалась, что повозка с леди Мери и Питни находится там, где ей и следует находиться. «Это хорошо», – подумала она, начиная отступать назад.

– Ну что ж, я думаю, надо возвращаться в карету, – крикнула Саксан и побежала в чащу леса.

– Смотри за лошадьми, Весли, – приказал Ботолф, бросаясь в погоню.

Графа злило, что его приказаниям не подчинялась какая-то маленькая блондинка. Но он также испытывал глубокую тревогу за девушку, и это чувство ему не нравилось. Хотя было очевидно, что она хорошо ездит верхом, скачка на лошади по лесу, да еще в одиночестве, была для Саксан очень опасна. Вскоре гнев Ботолфа сменился восхищением. Саксан явно не соврала, сказав, что отец никогда ее не бил, потому что не мог догнать.

Ботолф уже было подумал, что и ему не догнать Саксан, когда та вдруг споткнулась, выбегая на дорогу. Он схватил ее за талию, и оба упали на землю. После короткой яростной схватки Ботолф одержал верх.

– Я должен был бы поколотить тебя, – сказал он, стараясь не замечать, как вздымается под курткой ее упругая грудь.

– Не беспокойтесь, милорд. Я чувствую себя так, словно меня уже побили. Земля не слишком мягкая.

Злость его прошла, уступив место другим эмоциям, когда Ботолф взглянул на гибкое юное тело, распростертое под ним в весьма соблазнительной позе.

– В самом деле? Странно, а мне очень удобно. Граф почти лежал на ней, и Саксан увидела огонь желания в его темных глазах.

– Может быть, вам слишком удобно, милорд? – прошептала она, удивляясь тому, что этот огонь передался и ей, залив тело сладостным теплом.

– Возможно, порка для тебя – слишком суровое наказание, но ты должна заплатить штраф за свое непослушание.

Ботолф не отрывал глаз от ее сочных губ. Саксан почувствовала, как кровь пульсирует в жилах, и только тут поняла, о чем идет речь.

– Совсем небольшой штраф, – пробормотал он, не в силах совладать с желанием поцеловать ее.

Все тело Саксан напряглось, когда Ботолф своими красиво очерченными губами коснулся ее губ. Она не ожидала, что его рот, твердый и жесткий, когда он сердился, может быть таким мягким и нежным.

Ботолф отпустил ее руки, чтобы погладить разметавшиеся спутанные волосы, и Саксан обняла его. Ее тело изнывало от желания. Он гладил ее волосы, и поцелуи становились все настойчивее. Несмотря на полное отсутствие опыта, ей это казалось восхитительным.

Покрывая страстными поцелуями ее щеки, Ботолф хрипло скомандовал:

– Раскрой губки, малышка.

– Так? – прошептала она, повинуюсь.

– Да, лапочка. Так.

Первое нежное прикосновение его языка заставило ее затрепетать. Саксан услышала тихий стон и обнаружила, что он исходит из ее горла, перемежаясь с низкими приглушенными вздохами, издаваемыми Ботолфом. Оторвавшись от ее рта, он начал целовать ее нежное горло и шею.

Она запустила пальцы в его густые черные волосы и запрокинула голову, отдаваясь ему.

Как ни странно, но именно этот красноречивый жест покорности помог Ботолфу прийти в себя. Скрипя зубами, он отпустил Саксан и постарался совладать с эмоциями. Это было непросто сделать, особенно под пристальным взглядом потемневших от страсти сапфировых глаз.

Зная, что она невинна, он все же с трудом мог управлять сжигавшей его страстью. У Саксан внутри полыхало пламя, она откликалась на каждое его прикосновение, и взаимное желание казалось непреодолимым, но проезжая дорога вряд ли была подходящим местом для подобных занятий.

– Это все? – прошептала она с волнением.

– Гораздо больше, чем я ожидал. – Ботолф осторожно отвел пряди блестящих волос от ее пылающего лица, почувствовав, как дрожит его рука. – Девочка, знаешь ли ты, как близок я был к тому, чтобы взять тебя прямо здесь, на дороге?

– Кто-нибудь мог увидеть, – только и сказала она.

– Несомненно. Однако остановило нас вовсе не это, – проговорил граф, вставая и помогая ей подняться.

Он больше не сказал ни слова, и Саксан злилась на себя за то, что тоже ничего не могла придумать. Они вернулись к лошадям, и граф отправил Весли сказать остальным, что Саксан нашлась и можно продолжать путь. Ботолф посадил девушку в седло и повел Миднайта в поводу. Саксан с недовольством наблюдала, как он привязывал коня к фургону с провизией, и, когда граф помог ей войти в карету, поняла, что упустила единственный шанс побега.

Кавалькада остановилась на ночлег, и Саксан рано легла спать. Ей не сиделось с Ботолфом и его друзьями: жар недавнего поцелуя был все еще очень силен. Девушка не пошла в приготовленную ей палатку, а проскользнула в карету к Питни. Саксан не терпелось рассказать брату о своем первом поцелуе, не упоминая, однако, о тяжелом теле и горячем дыхании графа. Несмотря на волнения этого дня, она быстро уснула.

Когда утром мать присоединилась к Ботолфу за завтраком у костра, он заметил, что та чем-то озабочена. «Что-то случилось?» – подумал граф, но промолчал. Разгадка пришла чуть погодя.

– Возможно, с моей стороны глупо придавать этому значение, – процедила леди Мери сквозь зубы, сопровождая сына к карете, где находились Саксан и Питни. – В конце концов, они брат и сестра...

Взглянув на спящих, Ботолф попытался улыбнуться, хотя на самом деле почувствовал укол ревности при виде Саксан, свернувшейся в объятиях Питни.

– Они близнецы, мама. Вместе лежали в утробе матери. Не думаю, что можно быть ближе друг к другу.

– Конечно, ты прав, – согласилась леди Мери. – Они также милые дети.

– Не забывай, что один из этих детей спас мою жизнь, рискуя своей.

– А другая пыталась отнять твою жизнь, хотя я до сих пор не могу в это поверить.

– Согласен, но ее горе было слишком велико, чтобы утешиться слезами. Саксан можно понять. Поэтому я и не стал наказывать ее за то, что она хотела сделать. Эти двое похожи на детей, когда спят, но они не дети. Питни теперь рыцарь и, я уверен, будет мне верно служить. Саксан... ну, в ней еще много детского, но она женщина, созревшая для брака. – Ботолф повернулся, чтобы уйти, и тихо добавил: – Более чем созревшая. Я пошлю за ее братом Тоддом, когда мы вернемся в Регенфорд. Мне нужно поговорить с ним, – твердо закончил он, бросив быстрый взгляд на изумленную мать.

– Если хочешь, чтобы я научила эту девушку светским манерам, тебе следует поговорить с ней, – заявила леди Мери сыну. – Мы завтра будем в Регенфорде, а она все еще думает, что мы едем в Вулфшед-Холл.

– Ты права, мама. Мне давно пора с ней побеседовать. Куда только она подевалась?

– Мисс Тодд пошла к реке со своими братьями несколько минут назад.

Прежде чем мать успела договорить, Ботолф бросился к реке. Будучи наслышан об эксцентричности Саксан, да и всей ее большой семьи, он все же был шокирован зрелищем, открывшимся его глазам. Даже если Олан и Кенелм были ее кузенами, ей не следовало купаться с ними в таком виде. На ней были короткие мужские штаны и рубашка; на братьях – одни только штаны. Стараясь не напускать на себя слишком суровый вид, граф сложил руки на груди и, прислонившись к могучему старому дубу, ждал, пока они закончат плескаться.

К тому времени, когда троица вышла из воды, Ботолф утратил большую часть своего деланого спокойствия. Молодые люди совершенно не обращали внимания на мокрую одежду девушки, облепившую ее тело, и он позавидовал тому, что братья могут равнодушно взирать на округлые грудки Саксан, ясно вырисовывающиеся под тонкой намокшей тканью.

Графу пришлось несколько раз глубоко вдохнуть, прежде чем он сумел овладеть собой и подойти к ним поближе.

– Пора ехать, милорд? – спросил Кенелм, вздрогнув от неожиданного появления сеньора.

– Да, почти. С вашего разрешения, я бы хотел сказать пару слов мисс Тодд. Наедине, – добавил он твердо.

– Конечно, конечно, – ответил Кенелм, поспешно натягивая на себя одежду. – Пошли, Олан.

Было ли это полным доверием к нему или просто недомыслием, но братья ушли и оставили графа наедине с красивой полуодетой сестрой. Про Ботолфа не ходило сплетен, но родственникам Саксан следовало быть более осторожными. Они явно не придавали этому значения, поскольку все еще не видели в подруге их детских игр взрослую женщину.

Но Ботолф смотрел на нее другими глазами. Девушка стояла всего в нескольких шагах от него, расчесывая мокрые волосы и чертыхаясь всякий раз, когда гребень застревал. Она взглянула на него с любопытством, словно не сознавая, что полуодета и выглядит очень соблазнительной. Ботолф не мог отвести глаз от ее прелестной груди и стройной фигуры. Он представил себе, как обхватывает руками эту девичью талию, как гладит узкие бедра, представил стройные ноги, обвивающие его шею, ее тело, жаждущее наслаждения...

– Ты не собираешься одеться? – резко спросил Ботолф охрипший от напряжения и волнения голосом.

Саксан вздрогнула, немного напуганная его жестким, сердитым тоном. Она быстро оглядела себя и чуть не застонала, впервые в жизни испытав чувство стыда. Густая краска залила ее щеки, когда Саксан, спотыкаясь, подошла к своей одежде. Она потянулась за рубашкой, но Ботолф ваял ее за руку.

Будучи не в силах поднять на него глаз, Саксан молча опустила на землю возле своего платья.

– Посмотри на меня, Саксан, – приказал Ботолф, взяв ее за подбородок и заставив взглянуть ему в глаза. Но слезы, медленно скатывающиеся по ее щекам, пробудили в нем жалость. – Извини, я не хотел, чтобы тебе было так стыдно.

– Это не вы должны извиняться, а я. – Саксан вздохнула, покачав головой. – Наверное, я не отличаю хорошее от плохого.

– Не суди себя слишком строго. Мне кажется, ты все понимаешь.

Ботолф помог ей одеться, хотя ему стоило большого труда сохранять контроль над своими чувствами.

– Тебе просто не хватает хороших манер. Но я знал это с самого начала и не должен был так говорить с тобой.

– Тогда почему вы так говорили? – спросила она раздраженно.

– Моя дорогая девочка, я тебе не брат и не кузен. – Он улыбнулся, видя ее смущение. – Я отношусь к тебе не как к родственнице или товарищу по играм, а как к женщине...

– О... – Саксан снова покраснела и, повинувшись его жесту, присела возле графа на берегу.

– ...и, принимая во внимание то, что ты находишься преимущественно в мужском обществе, я уверен, тебе известно, что может произойти между мужчиной и женщиной.

– Но вы граф, мой сеньор.

– Прежде всего я мужчина, Саксан. Ты можешь величать меня всякими титулами, но я все же остаюсь мужчиной. Если тебе этого недостаточно, то я также мужчина, который долгое время не был с женщиной.

– О... о... – только и смогла прошептать она.

Ботолф хохотнул:

– Никогда не думал, что в этот коротенький звук можно вложить столько смысла.

Саксан смущенно улыбнулась.

– Боюсь, живя с братьями, я мало значения придавала одежде, – пробормотала она. – Кроме них, я почти не имела дела с мужчинами.

– И это один из вопросов, которые я хочу с тобой обсудить.

– Вы собираетесь рассказать мне о мужчинах?

Почувствовав насмешку в ее словах, граф посуровел.

– Не иронизируй. Уверен, что ты знаешь о мужчинах больше, чем следует знать молодой женщине. Нет, я хочу поговорить с тобой об отсутствии у тебя манер, приличествующих леди твоего круга. И не смотри на меня так.

– А как я смотрю?

– Так, словно размышляешь, оскорбил я тебя или нет. Я не хочу тебя оскорбить.

Саксан передернула плечами, ей было не по себе оттого, что он прочел ее мысли.

– Я хорошо понимаю, что большинство людей не сочли бы меня за леди.

– Тут нечего стыдиться.

Саксан уловила горечь в его голосе, но сделала вид, что ничего не заметила. Ясно, что граф имел дело с дамами, скрывающими мораль продажной девки под шелками и изысканными манерами. Кто-то обидел его. Насколько глубока была эта обида?

– Тогда мне незачем меняться, – сказала она, отвечая невинной улыбкой на строгий взгляд Ботолфа.

– Саксан, тебе восемнадцать лет, ты уже взрослая. На самом деле тебе пора выйти замуж. Существует ли какая-нибудь договоренность на этот счет? – спросил он и замер в ожидании ответа.

– Было два варианта, но эти люди умерли до того, как что-то решилось. Мой отец не верил в браки, заключенные в колыбели. Вы собираетесь познакомить меня с подходящим джентльменом?

– Я хочу, чтобы ты познакомилась с жизнью за пределами узкого круга твоих родственников.

– За пределами? – переспросила Саксан подозрительно.

– Понадобится согласие твоего старшего брата. Я бы хотел, чтобы твоим образованием занялась моя мать.

– Вам понадобится время для того, чтобы получить разрешение Хантера, а до тех пор я вернусь в Вулфшед-Холл.

– Нет, ты поедешь в Регенфорд. Эдрик заверил меня, что твои братья дадут согласие.

– В самом деле? Если для того, чтобы стать леди, мне нужно покинуть Вулфшед-Холл, я лучше останусь неотесанной мальчишкой.

– Не будь дурочкой. Ты не можешь провести всю жизнь в Вулфшед-Холле.

– Могу, пока не найдется лучшее место и не появится веская причина, чтобы я отправилась туда.

– Но нельзя же существовать вне своего общества. – В голосе Ботолфа чувствовалось плохо скрываемое раздражение.

– Лучше так, чем надменно выступать в вышитых тапочках, флиртуя направо и налево, просто для того, чтобы потешить свое тщеславие.

– Моя мать никогда не стала бы учить тебя ничему подобному. Этим глупостям ты сама научишься, если пожелаешь.

– Я не собираюсь учиться никаким бессмысленным ухищрениям. Зачем это нужно?

– Чтобы сделать из тебя женщину.

– Вы и сейчас без труда видите во мне женщину.

– Я в ком угодно увижу женщину, если у нее есть грудь! – взорвался Ботолф, злясь на то, что она так быстро вывела его из себя.

Саксан набрала в грудь побольше воздуха, чтобы выдать язвительный ответ, когда услышала звук, миглом вытеснивший из ее головы все прочие мысли.

– Молчите, – приказала она графу.

– Не буду. Этот вопрос надо решить. Я... Уф! – Ботолф был ошеломлен, когда Саксан зажала ему рот рукой. Поистине нет предела наглости этой девчонки.

– Замолчите, пожалуйста. Слушайте. Кто-то приближается, – прошептала она, отнимая руку от его рта и улыбаясь так, словно они как ни в чем не бывало продолжали вести беседу. – У вас есть враги, сеньор?

– Возможно, шотландцы, – ответил он тоже шепотом.

– Мы находимся слишком далеко от границы, но, может быть, это все же они.

Их сомнения рассеялись через мгновение, когда из-за кустов появились двое крупных парней и бросились на Ботолфа. Саксан вскрикнула и быстро отбежала в сторону, дав возможность графу встретить нападавших во всеоружии, но прежде чем она могла позвать на помощь, из-за кустов выскочил третий человек и схватил ее.

Девушка неистово брыкалась и кусалась, стараясь освободиться от державших ее толстых ручищ. Вид Саксан в грубых объятиях верзилы привел Ботолфа в ярость, и он начал драться так, как никогда не дрался раньше.

Граф понимал, что рискует пропустить удар, но продолжал смотреть в сторону Саксан. Тут ей удалось изогнуться в руках врага и ударить его ногой в пах, отчего тот издал пронзительный крик. Не только Ботолф, но и нападавшие забыли о драке и уставились на Саксан. Из своего мягкого сапога она выхватила нож и вонзила его в незащищенную спину мужчины. Ужас и боль исказили его бледное лицо.

Неожиданная гибель товарища разозлила противников Ботолфа, и они принялись избивать графа с удвоенной силой. Ботолфу приходилось использовать всю силу и ловкость для отражения ударов. Он уже было думал, что конец близок, но в этот момент Саксан прыгнула на спину одному из нападавших.

Вопя и ругаясь, мужчина отчаянно пытался стряхнуть с себя юную воительницу, когда та ударила его кинжалом. В первую секунду изумление сковало графа, но он быстро пришел в себя и преградил путь второму мужчине, уже замахнувшемуся на Саксан. Теперь, оставшись с противником один на один, Ботолф перешел от защиты к нападению. Пронзив грудь своего врага, граф услышал знакомый булькающий звук, но исходил он не из горла заколотого бандита. «Саксан!» – Ботолфа объял леденящий ужас. Выдернув меч из тела поверженного злодея, он быстро обернулся и опять застыл от удивления.

Противник Саксан медленно опускался на землю с перерезанным горлом. Девушка едва успела отскочить в сторону, чтобы он не придавил ее. «Да, ножом она владеет что надо», – мелькнуло в голове Ботолфа, когда Саксан бросилась в его объятия. Он прижал ее к себе, зарывшись лицом во взъерошенные волосы и почувствовал, как дрожит она.

Обнимая девушку, он подумал о ее родственниках. Странно, но никто не появился хотя бы для того, чтобы не оставлять Саксан наедине с ним так долго. Эдрик-то уж должен это понимать: он внимательно следил за своей племянницей с момента ее внезапного появления в трактире «Кабанья голова».

Ботолф поцеловал Саксан в лоб и спросил с беспокойством:

– Ты не ранена? Крови вроде не видно.

– Нет, все в порядке. – Саксан продолжала прижиматься к нему, обнаружив, что приятные чувства, которые пробуждала в ней близость графа, помогают пережить кошмар последних минут.

Как пугающе легко было отнять человеческую жизнь в пылу смертельной схватки! Но когда угроза для нее и Ботолфа миновала, Саксан с ужасом осознала то, что сделала.

– Ты вся дрожишь, – прошептал Ботолф.

– Я только что убила человека.

– Двоих.

– Да. – Она почувствовала, как сжалось горло.

– Мне уже начинает надоедать, что меня все время спасают Тодды.

– Вы посвятите меня в рыцари? – пошутила девушка слабым голосом.

– Я не могу посвятить в рыцари женщину. – Взяв Саксан за подбородок, Ботолф слегка приподнял ее лицо. – Однако ты заслуживаешь награды.

Саксан видела, что граф собирается ее поцеловать, и едва заметно улыбнулась:

– Награды? В прошлый раз вы называли это штрафом.

– Ты слишком много болтаешь. – Ботолф коснулся губами ее губ, и она закрыла глаза.

– Я часто слышала такие слова, но ни разу это не было так приятно, – прошептала Саксан. – Заставьте меня замолчать, сеньор.

Он положил конец ее тираде долгим поцелуем. Саксан обвила его шею руками, и они замерли, радуясь тому, что живы. Ботолф прижал к себе Саксан очень крепко и удивился, что та не вскрикнула от боли. Вместо этого граф услышал низкий голос, вернувший его к действительности.

– Я ожидал чего-нибудь подобного, – пробасил Эдрик.

Ботолф быстро повернулся к сэру Эдрику, безуспешно стараясь казаться хладнокровным.

– Чего именно? – Он с облегчением заметил, что кузены Саксан не обращают на него внимания.

– Во всяком случае, не мертвых тел.

– Этот еще жив, – объявил Кенелм, опускаясь на землю возле человека, которого Саксан заколола первым.

Мягко отстранив от себя девушку, Ботолф встал на колени около раненого:

– Кто подослал тебя убить меня?

– Не знаю, – ответил тот еле слышно. – Я никогда не задаю вопросов.

– Как он выглядел?

– Как вы. Очень похож на вас. Странно... – пробормотал несчастный, испуская дух.

Выругавшись сквозь зубы, Ботолф поднялся.

– Сэсил, будь он проклят. Он все еще охотится за мной.

– Сэсил? – Саксан уставилась на графа, мгновенно вспомнив свой сон. – Он похож на вас?

– Да. Не только похож. У нас один и тот же год, месяц, день и час рождения. В некотором роде он мой близнец.

– За исключением того, что у Сэсила шрам над левым глазом.

– Откуда ты знаешь?

– Мне приснился сон за несколько дней до того, как мне сказали, что Питни мертв. Я так легко поверила, что это вы его убили, потому что человек в моем сне был очень похож на вас, и он протягивал руки, с которых капала кровь. Я думала, что это кровь Питни. Позднее, на следующее утро, после того как я пыталась вас заколоть, я вспомнила, что у человека из этого сна был шрам над левым глазом. Понимаете, я опять видела сон, и он смутил меня. Тогда я решила, что это предупреждение, но не о моем брате, а о вас. О грозящей вам опасности. Это ваша кровь была на его руках, – прошептала Саксан, похолодев от ужаса.

– Без сомнения, Сэсил жаждет уничтожить меня, однако я не собираюсь давать ему такую возможность.

– Значит, вы не верите в мой сон?

– Верю. Моя мать видела подобное раз или два.

– Кроме того, – вмешался Эдрик, – у всех нас бывают предчувствия. Не знаю, откуда они берутся, но они обычно сбываются.

Саксан изо всех сил старалась не смотреть на тела убитых. Она все еще была очень бледна, и Ботолф поспешно предложил:

– Кенелм, Олан, отведите вашу кухню в лагерь. Мы с вашим отцом осмотрим трупы, хотя я не рассчитываю найти что-то важное. – И добавил: – Не говорите об этом леди Мери. Не надо расстраивать ее плохими новостями.

Граф нахмурился, заметив осуждающий взгляд Саксан, и, как только она ушла, обернулся к Эдрику:

– Почему Саксан так странно на меня посмотрела?

– Возможно, потому что вы попросили ее держать что-то в секрете от леди Мери, – ответил Эдрик, помогая графу обследовать одежду убитых.

– Моей матери незачем знать о втором покушении на меня.

– Саксан поймет это, когда поразмыслит, – Эдрик нагнулся над третьим убитым. – Здесь тоже ничего нет.

– Да, ничего. Никакого оружия, кроме палицы. Они были бедными.

– Этим, наверное, объясняется, почему их было трое. План вашего врага – внезапность нападения. Даже самые бедные воины могут в конце концов добиться цели, если будут вновь и вновь предпринимать попытки. – Эдрик задумался. – Эти нападения участились?

– Да. С того дня, как я покинул Мирвуд и отправился сюда, мне кажется, что за каждым поворотом меня поджидает убийца. – Ботолф провел рукой по волосам.

– Он рассчитывает достать вас здесь, пока вы не добрались до Регенфорда. Я знаю, что этот человек – ваш сводный брат, но разве не разумнее было бы постараться схватить его самого, если он попытается напасть на вас снова? Может быть, даже лучше убить его, чтобы он не опередил вас.

– Чтобы выследить его, мне понадобится много времени. Этот человек очень осторожен.

– Он также не оставляет вам доказательств своей вины, чтобы вы могли представить их суду.

– Боюсь, что так. Слова этого умирающего – самое серьезное доказательство из тех, которые я пока имею. Но этого недостаточно! – Ботолф вздохнул и покачал головой. – И я должен думать о матери. Я причиню ей несказанную боль, если объявлю во всеуслышание, что Сэсил собирается убить меня.

– Тогда давайте вернемся в лагерь, а то она заподозрит неладное.

По пути Ботолф вспомнил, что Эдрик ничего не сказал насчет их страстных объятий с Саксан. Предположив, что он опасается оскорбить или разгневать своего сеньора, Ботолф решил начать сам, чтобы между ними не было недосказанности.

– Я не пытался обесчестить вашу племянницу, сэр Эдрик.

– От поцелуя до бесчестия длинный путь, милорд, – холодно ответил тот.

– Его можно преодолеть достаточно быстро.

– Я не так стар, чтобы не помнить этого. Но я считаю вас, милорд, благородным человеком. Уверен, что если бы вы переступили черту, то постарались бы загладить свою вину. Мои легкомысленные сыновья оставили ее с вами одну, к тому же полуодетую, и я решил предупредить не то, что могло произойти, а последствия этого.

– Последствия?

– Стыд, который Саксан могла потом испытать. Брак, в который ей пришлось бы вступить. И даже гнев ее родных.

– А гнев был бы страшен, – предположил Ботолф.

Хелдон кивнул:

– Не сомневаюсь. Члены вашего клана тесно связаны.

– Да, это так. Отчасти это порождено суровыми условиями жизни. Ссоры сильно ослабили бы нашу семью, а слабые не выживают. Ведь мы живем около границы, а здесь никогда не прекращаются стычки.

– Мой отец часто говорил об этом. Неужели там никогда не бывает мира? – спросил Ботолф, переступая через поваленное дерево.

– Бывает, но все равно требуется бдительность. И с той и с другой стороны, – мрачно добавил Эдрик.

– Но что касается Саксан, бдительность вы можете ослабить. Я действительно не хочу причинять неприятностей вашей племяннице.

– Осмелюсь спросить, какие у вас планы в отношении нее?

– Я пока не могу ответить. Скажу только, что я уже послал курьера с письмом для старшего брата Саксан, который считается ее опекуном. В письме я попросил его о встрече.

Войдя в лагерь, Ботолф увидел леди Мери, спешащую к нему навстречу с озабоченным лицом.

– Саксан бы не ослушалась вас, – тихо проговорил Эдрик, – но я не стану утверждать, что она не является причиной беспокойства миледи.

– Ботолф, – обратилась леди Мери к графу, едва кивнув сэру Эдрику, который поспешно ретировался, – я хочу поговорить с тобой.

– К твоим услугам. Я сразу догадался, что ты чем-то недовольна.

– Недовольна? Ботолф, это бедное дитя Саксан вернулась в лагерь удрученной и явно потрясенной. Я пыталась выяснить у нее причину, и она призналась мне, что у вас произошла ссора.

– Она так сказала?

– Я, конечно, понимаю, не стоит выпытывать, что произошло между вами, но с твоей стороны неблагоприятно ставить девушку в такое положение.

– Ты, как всегда, права. Это неблагоприятно, я поговорю с ней, – согласился Ботолф, кланяясь матери, а про себя подумал: «Да, я поговорю с негодницей, но после того, как задам ей трепку».

Он направился к карете, которую Саксан делила с Питни и леди Мери.

– Вот он, – прошептала Саксан, поворачиваясь к Питни.

Питни покачал головой:

– Мне кажется, ты забываешь, что он наш сеньор.

– Граф сам во многом виноват. Нелегко помнить, что он мой сеньор, когда он зовет меня девчонкой или малышкой. – Саксанostroила удивленному брату гримасу, и тут Ботолф остановился перед окном кареты.

– Разве ты не могла придумать что-нибудь поумнее, чтобы успокоить мою мать, а не расстраивать ее? – набросился он на девушку.

Его грозный взгляд Саксан встретила с самым невинным видом.

– Боюсь, я не очень умна.

– Ты достаточно умна для того, чтобы не моргнув глазом выдумывать небылицы. Я сам в этом убедился.

Саксан со вздохом уставилась себе под ноги.

– Мне не нравится лгать леди Мери.

– Мне тоже не нравится ей лгать, дорогая, – мягко сказал Ботолф, заставив ее посмотреть ему в глаза. – Но постоянная угроза моей жизни очень расстраивает маму. Я просто не хотел добавлять ей огорчений. Хотел, чтобы это осталось между нами.

– Когда нужно, Тодд может быть нем как могила, – произнесла Саксан с пафосом.

– Сэсил, пытающийся меня убить, – мой сводный брат, незаконнорожденный сын моего отца.

– Но вы сказали, что родились с ним в один день и час и все такое, – выпалила Саксан, но сразу осеклась.

Ботолф улыбнулся, погладил ее по щеке, покрывшейся краской стыда, и почувствовал нежную бархатистость кожи.

– Мои родители были помолвлены в детстве. Отец знал имя невесты, но никогда не видел ее. Мать Сэсила много лет была любовницей моего отца в Мирвуде. Она умерла, произведя на свет Сэсила, и моя мать вскормила его грудью. Мы были как братья.

– И Сэсил не хочет смириться со своим положением, – предположила девушка.

Ботолф прислонился к карете и сложил руки на груди в попытке преодолеть искушение коснуться Саксан.

– Именно так. Сэсил имеет и связи, и деньги, но ему этого мало. Не знаю, когда он замыслил убийство, потому что поздно догадался о его планах. Теперь он понимает, что я в курсе его смертельной игры, и вынужден прятаться от меня, но продолжает покушаться на мою жизнь. А мать не хочет этому верить. Сэсил был для нее сыном.

– И стараясь убить вас, он убивает и ее. Проклятие неблагодарного ребенка. – Саксан изучающе посмотрела на Ботолфа. – Он очень похож на вас.

– Как близнец, за исключением шрама над глазом, – вздохнул Ботолф. – Это я оставил его.

– Значит, вы уже дрались на мечах?

– Клянусь бородой Спасителя, да! – Ботолф с усилием отогнал мучительное воспоминание о Сэсиле, занимающемся любовью с Элис. – Так что теперь ты понимаешь, почему я стараюсь как можно меньше посвящать в это дело леди Мери?

Саксан кивнула:

– Для вас это тоже, должно быть, тяжело. Сэсил вынуждает вас сделать тяжелый выбор: либо быть вам убитым, либо вы прольете его кровь, и, значит, кровь вашего отца. Было бы лучше, если бы конец предательству положил не

ваш меч, а чужой.

Ботолф насторожился и заметил, что Питни тоже услышал ее слова. В первое мгновение граф посмеялся над мыслью, что женщина выследит Сэсила и покончит с ним. Но Саксан охотилась за самим Ботолфом, когда думала, что он убил Питни. Совсем недавно она сражалась с подлинным мастерством и убила двух мужчин. Возможно, девушка считает себя обязанной ему из-за того, что граф заботится о ее брате, или потому, что покушалась на его жизнь. Саксан также могла относиться к этому просто как к увлекательному приключению.

– Не смей даже думать об этом, – приказал Ботолф.

Саксан не стала отрицать, что уже размышляла над тем, как избавить графа от Сэсила.

– Я могла бы его убить, – заверила она. – Ну, возможно, могла бы. Но потребовался бы скрупулезный план.

Ботолф взглянул на Питни, слушавшего их с широко открытыми глазами, затем строго посмотрел на девушку.

– Я начинаю опасаться, что ты сумасшедшая. – Он схватил ее за худенькие плечи и слегка встряхнул. – Дай слово!

– Слово? – невинно переспросила Саксан, отбрасывая с лица прядь волос.

– Да, клятву, что ты не будешь пытаться расправиться с Сэсилом.

– О, хорошо. Даю слово. Но у меня была очень хорошая идея, – пробормотала она.

– Забудь о ней.

– Милорд, еще один вопрос. Не кажется ли вам странным, что Сэсил всегда знает точно, где вас найти?

– Мы вместе росли, – ответил Ботолф не очень уверенно. – Сэсил хорошо знает мои привычки.

– Это так, но мне кажется, что вам не нужно исключать возможность, что кто-то из вашего окружения помогает ему.

– Ты права, Саксан. Бывали времена, когда и у меня возникали сомнения. Нужно подумать.

Он попрощался и отошел. Саксан смотрела, как граф присоединился к своим друзьям.

– Надеюсь, что он сделает больше, чем просто подумает, – промолвила она, покачивая головой.

– Он разумный человек, – поддержал ее Питни.

– Конечно, но в этом деле у него есть одна слабость.

– Какая?

– В отличие от Сэсила наш сеньор не желает проливать кровь своего родственника, человека, который делил с ним молоко матери. Мы должны проследить за тем, чтобы эта слабость не погубила его.

И она, как ни в чем не бывало, улыбнулась леди Мери, садившейся в карету.

* * *

Ботолф не забыл предупреждение Саксан. Оно отдавалось в его голове с каждым шагом лошади, приближавшим их к Регенфорду. Высокомерие и гордыня требовали отбросить любую мысль о предательстве в его свите, но граф понимал, что это могло стоить ему жизни. Многие люди, ехавшие с ним, помнили Сэсила; некоторые знали его в те годы, когда он жил в их семье. Несмотря на его жестокость и вероломство, у него были сильные и преданные друзья.

– Вы чем-то озабочены, милорд. Вас тревожит то, что может случиться в Регенфорде? – спросил Весли, подъезжая вместе с Роджером к Ботолфу.

Ботолф покачал головой, но потом произнес:

– Сэсил знает каждый мой шаг.

– Похоже, что так, – согласился Роджер. – Но почему вы вспомнили об этом сейчас?

– Мне намекнули, что у него могут быть глаза и уши среди тех, кто едет со мной, – ответил граф. – Иначе непонятно, как человеку, пусть даже хорошо знакомому с моими привычками, становится известен буквально каждый мой шаг.

– Тысяча чертей! – воскликнул Весли. – Ведь вы случайно попали на турнир. Обычно вы на них не ездите. Не все из тех, кто предпочитает компанию Сэсила, ушли с ним. – Он посмотрел на Ботолфа расширенными глазами. – В таком случае в Регенфорде...

– Небезопасно, – закончил граф. – Я должен быть осторожен. Нужно искать предателя, но при этом не причинить вреда тем, кто мне верен. Некоторые бывшие друзья Сэсила перешли на мою сторону, и я не должен оскорблять их поспешными, несправедливыми обвинениями, так как если ошибусь, то могу нажить себе новых врагов.

– Кто предупредил вас? – спросил Роджер. – Если он не рыцарь, ему бы следовало даровать эту честь за проницательность.

– Это трудно, Роджер, – улыбнулся Ботолф, отъезжая от него. – Мой советчик – мисс Саксан Тодд. Мне кажется, я уже наградил этот клан достаточным количеством наград.

– Тебя что-нибудь тревожит, Саксан? – спросил Питни ночью, когда сестра лежала возле него.

– Расскажи мне о поцелуях, – попросила Саксан, уставившись в крышу кареты.

Питни рассмеялся:

– Ты должна знать о таких вещах, принимая во внимание, что ты из клана Тоддов.

Саксан сделала вид, что не расслышала нотку подозрительности в его голосе.

– Конечно, но я хочу знать, какие чувства поцелуй может пробудить в человеке. Какие существуют виды поцелуев... Есть ли способ узнать, только ли похоть стоит за ним?

– Я не знаю. Во всяком случае, похоть – превосходное чувство.

– А она воспламеняла тебя так, что вытесняла из головы все мысли?

– Я еще не воспламенялся до такой степени, хотя мысли никогда не служили мне препятствием, если не были совсем запретными.

– Ясно. – Саксан была разочарована: ей явно требовалось больше информации, чем мог дать брат.

– Говорят, что страсть бывает слепа, что может помутить разум мужчины, – добавил Питни. – Мужчины женились или становились полными дураками благодаря страсти, потому что ошибочно принимали ее за любовь. Позднее, когда страсть проходила, не оставалось ничего, кроме сожаления и стыда.

– Есть ли возможность отличить любовь от страсти?

– Я думаю, что любовь – это когда человек тебе нужен и нравится даже после того, как проходит страсть.

– Ты прав. Здесь и заключен ответ. – Она вложила руку брата в свою. Веки ее уже слипались. – Спасибо, Питни, спасибо за то, что ты просто ответил на мои вопросы и не заставлял меня говорить о причине моего интереса.

Он нежно сжал ее руку.

– Я надеюсь, ты сама расскажешь, когда придет время.

– Обязательно. Не беспокойся обо мне.

Саксан улыбнулась, услышав, как Питни сонно пробормотал:

– Уж этому совету никогда не последую.

Когда они поднялись на возвышенность, перед ними предстал Регенфорд. Саксан охватило чувство трепета, ощущение чуда, которое она запомнила с детства. Предки лорда Ботолфа хорошо спланировали это монументальное сооружение как бастион против шотландцев. Замок располагался на холме, так что никто не мог приблизиться к нему незамеченным. Большая крепостная стена с многочисленными башенками была окружена рвом. Чтобы лучше разглядеть крепость, Саксан вылезла из кареты и взобралась на козлы рядом с толстым седым кучером.

Ботолф ехал рядом, и при виде его к ней вернулись прежние сомнения. Ночная беседа с Питни дала ответ только на некоторые вопросы. Саксан было не так легко разобраться в своих чувствах, как казалось раньше.

– Прекрасный замок, не так ли? – спросил Ботолф, не скрывая гордости.

– Прекрасный. Шотландцы, наверное, бегут назад, в Шотландию, как только видят его.

– Это было бы замечательно, но, боюсь, они воспринимают Регенфорд не иначе как вызов, – усмехнулся граф.

Саксан робко улыбнулась в ответ и тут же нахмурилась, так как обратила внимание на коня Ботолфа. – У вас моя лошадь.

Хотя ей казалось, что она говорила тихо, ее слова прогремели как обвинительный окрик. Как и предполагал Ботолф, Саксан очень рассердилась. Он наклонился и потрепал коня по сильной шее, словно не замечая ее ярости.

– Великолепное животное, – сказал граф.

– Да, но он мой! – в негодовании выпалила девушка.

– Разве я ставлю это под сомнение? Я просто решил проехать на нем, чтобы проверить, годится ли он для леди.

– Прекрасно годится. Я езжу на нем с тех пор, как мне его подарил отец.

– Твой отец подарил тебе боевого коня, годного для рыцаря? – Ботолф не мог скрыть удивления.

– Это подходящий конь для Тодда.

Граф усмехнулся ее фамильной гордости.

– Посмотрим. Ты бывала раньше в Регенфорде?

– Видела несколько раз, – сухо ответила Саксан, решив, что дискуссия о Миднайте подождет. – А внутри была только однажды, еще совсем маленькой.

Ботолф начал описывать свой дом, и гнев Саксан прошел, уступив место любопытству. Она старалась не проявлять особенного интереса и в то же время не выглядеть грубой. Девушке не хотелось, чтобы Ботолф подумал, будто она подчинилась его воле и останется здесь надолго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/hauell_hanna/tol-ko-dlya-tebya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)